

ШОНА ЛОУЛЕС

ДЕТИ
БОГОВ
И ВОИНОВ

Шона Лоулес
Дети Богов и Воинов
Серия «New adult. Магические миры»
Серия «Гэльская Песнь», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70087666

*Дети Богов и Воинов:
ISBN 978-5-04-196914-1*

Аннотация

Роман, основанный на реальной истории Ирландии.

Чарующее, вдумчивое и жестокое фэнтези – первая часть цикла «Гэльская Песнь».

Гормлат – прекрасная вдова старого короля Дублина и одна из последних наследников крови фоморов в Ирландии. У них с братом есть последний шанс собраться с силами и отомстить: их извечный враг думает, что уже победил. Гормлат должна посадить своего смертного сына на трон Дублина, если хочет отомстить потомкам Туата Де Дананн... Или она сделает это ради свободы и любви к сыну?

Фоула – одна из потомков Туата Де Дананн, и мир людей пугает ее своей бессмысленной жестокостью. Но ее легкомысленная сестра нарушает недавно принятый запрет, и теперь может быть изгнана или даже казнена другими Потомками. Чтобы помочь ей, Фоула соглашается стать инструментом в руках бывшего

возлюбленного и верховного друида. Она должна будет завоевать доверие человека, который, возможно, станет новым Верховным королем Ирландии – Бриана Бору.

Содержание

Действующие лица	6
Монастырь Айона, 981 год	12
Горы Уиклоу, 992 год	29
Дублин, 992 год	46
Остров Феннит, 992 год	67
Дублин, 992 год	84
Остров Феннит, 992 год	111
Ирландское море, 992 год	130
Конец ознакомительного фрагмента.	150

Шона Лоулес

Дети Богов и Воинов

Shauna Lawless

The Children of Gods and Fighting Men

Copyright © Shauna Lawless, 2022

© Д. Перегудов, перевод на русский язык, 2024

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

Действующие лица

Посвящается моей семье

Потомки Туатта Де Дананн

Томас – предводитель Потомков, верховный друид.

Фоула – целительница, мать Ифы.

Ифа – покойная дочь Томаса и Фоулы, рожденная без волшебного дара.

Роунат – ведьма, сестра Фоулы.

Броккан – сын Роунат и Эгиля из Дублина. Рожден без волшебного дара.

Колмон – верховный воитель, двоюродный брат Фоулы и Роунат.

Фиахра – верховный оружейник.

Гобнет – верховная ведьма.

Аффрика – верховная целительница.

Лег – верховная виночерпица.

Шэй – верховный арфист.

Гронне – покойная верховная пророчица, последняя в своем роде.

Кербал – воитель.

Ардал – воитель.

Эхна – друид.

Дублинское королевство

Амлаф Рыжий – покойный король Дублина; отец Рагналла, Харальда, Дугалла, Глуниарна, Гиты, Муире и Ситрика; муж Гормлат.

Гормлат – жена Амлафа, мать Ситрика, дочь Этлинн, единокровная сестра Рауля, сестра Малморды – принца Ленстера; фоморка.

Рагналл – сын Амлафа, брат Харальда и Дугалла, единокровный брат Глуниарна, Гиты, Муире и Ситрика.

Эгиль – незаконнорожденный сын Рагналла.

Дугалл – сын Амлафа, брат Харальда и Рагналла, единокровный брат Глуниарна, Гиты, Муире и Ситрика.

Глуниарн – сын Амлафа, также известный как Железное колено, единокровный брат Рагналла, Харальда, Дугалла, Гиты, Муире и Ситрика; единокровный брат верховного короля Шехналла.

Мор – жена Глуниарна, уладская принцесса, мать Гиллы.

Гилла – сын Глуниарна и Мор.

Харальд – сын Амлафа, брат Рагналла и Дугалла, единокровный брат Глуниарна, Гиты, Муире и Ситрика; муж Фригги; отец нескольких дочерей и сына по имени Лейф.

Фригга – жена Харальда, мать нескольких дочерей и сына по имени Лейф.

Лейф – сын Харальда и Фригги.

Гита – дочь Амлафа, единокровная сестра Рагналла, Харальда, Дугалла, Глуниарна, Муире и Ситрика.

Муире – дочь Амлафа, единокровная сестра Рагналла, Харальда, Дугалла, Глуниарна, Гиты и Ситрика.

Ситрик (Шелкобородый) – сын Амлафа, единственный сын Гормлат, единокровный брат Рагналла, Харальда, Дугалла, Глуниарна, Муире и Гиты.

Фальк – корабел и друг Глуниарна.

Арни – сын Фалька.

Фрейя – дочь Фалька.

Онгвен – рабыня родом из Корнуолла.

Эдизия – дочь Ситрика и Онгвен.

Асфрид – жительница Дублина, дочь Сванхильды.

Сванхильда – жительница Дублина, мать Асфрид.

Ульф – состоятельный дублинский купец.

Улли – мать Ульфа.

Вальдемар – провидец Дублина.

Ивар из Уотерфорда – король Уотерфорда, друг Амлафа.

Манстерское королевство

Король Бриан Бору – вождь клана Долкайш и король Манстера.

Мурха – сын короля Бриана.

Тарлах – сын Мурхи.

Тейг – сын короля Бриана.

Слойне – дочь короля Бриана.

Бейвин – дочь короля Бриана.

Кива – воспитательница Слойне и Бейвин.

Оха – племянник короля Бриана.

Отец Маркон – епископ; двоюродный брат короля Бриана.

Лонон – друг Мурхи, сын Муирин, муж Сайв, брат Сорхи и Кейлах.

Муирин – мать Лонона, Сорхи и Кейлах.

Сайв – жена Лонона.

Сорха – дочь Муирин, сестра Лонона и Кейлах.

Кейлах – дочь Муирин, сестра Лонона и Сорхи.

Лукреция – освобожденная рабыня, мать Марии и Фелиции, вдова Доухи.

Мария – дочь Лукреции и Доухи.

Фелиция – дочь Лукреции и Доухи.

Подрик – житель Киллало, дальний родственник короля Бриана.

Кринок – жена Подрика.

Кассер – воин Манстера.

Сестра Марта – монахиня.

Дирмид – сородич Лонона.

Король Муад – покойный король Манстера.

Имар из Лимерика – покойный король Лимерика, города викингов на территории Манстера.

Уладское королевство

Король Шехналл – король Мита и верховный король всея Ирландии; единоутробный брат Глуниарна.

Фланн – сын Шехналла.

Торна – дядя короля Улада.

Колум – покойный смертный.

Ленстерское королевство

Король Доннаха – король Ленстера и вождь клана О’Дунхада, сын Доуналла Клоина.

Малморда – вождь клана О’Фелан, сын Этлинн, единоутробный брат Рауля, брат Гормлат; фомор.

Этлинн – бывшая королева Ленстера, вдова Мурхи мак Финна, мать Гормлат, Малморды и Рауля; фоморка.

Король Туахал – вождь клана О’Муиредег.

Конхобар – двоюродный брат короля Туахала.

Остров оркни

Сигурд Толстый – ярл Оркни.

Гилли – родич Сигурда.

Олаф Трюггвасон – ярл Вендланда, друг Сигурда.

Леон – раб.

Нортумбрия

Вальтеоф – элдормен (эрл) Нортумбрии.

Утред Смелый – сын Вальтеофа.

Этельвольд – племянник Вальтеофа, двоюродный брат

Утреда Смелого.

Эдвард – воин Нортумбрии.

Христианское духовенство

Аббат Франциск – настоятель Шеркирена.

Брат Адоннон – монах.

Брат Бекан – монах.

Брат Скуихин – монах.

Животные

Шенна – ворон Томаса.

Торнех – конь Тарлаха.

Энна – кобыла Фоулы.

Монастырь Айона, 981 год

Гормлат

Доспехи, меч и секира Амлафа сияли как новые. Его бороду вымыли, пропитали лавандовым маслом, изящно уложили на груди, и теперь она блестела в тусклом мерцании свечей.

Я наклонилась и провела пальцем по его губам и вниз по щеке, пока не коснулась мантии из волчьего меха, постеленной под телом Амлафа на каменной плите. Картину портила только непослушная прядь волос, упавшая ему на лоб. Монахини достойно обрядили покойного, но проследить, чтобы перед началом загробной жизни он выглядел как подобает королю, обязана была я, его вдова.

Убрав прядь со лба мужа и разгладив его волосы, я улыбнулась.

Амлаф всегда нравился мне больше, когда лежал смирно с закрытыми глазами, но видеть его сегодня было приятнее всего. Сон – лишь подобие неотвратимости, которую приносит смерть.

Смерть пошла Амлафу на пользу во многих отношениях. Его окоченевшая правая рука сжимала рукоять меча куда крепче, чем при жизни. Да, однажды он был истинным воином, но отец заставил меня выйти замуж за семидесятилет-

него старика, оставившего битвы в далеком прошлом. Амлаф не отсиживался в Дублине, когда его войско отправлялось на очередное сражение с ирландцами, но я-то знала, что в разгар сражения он просто сидел на своей жирной лошади, пока остальные викинги обнажали клинки. Говорили, что Амлаф заслужил покой былыми подвигами: он успел сразить более тысячи врагов. Никто и не осмеливался называть его трусом – только стариком.

Я присела на стул рядом с телом мужа и стала ждать настоятеля. Монахи целую вечность копали могилу под проливным дождем и пронизывающим ветром. Закончили лишь прошлой ночью. Я пожалела бы несчастных святош, не будь моя жалость пустой тратой времени. Они сами выбрали жизнь, где тяготы считались добродетелью. Пожелай они приблизиться к Богу, замерзнув до смерти на злосчастной скале, неужели я посмела бы им помешать? Эту жалкую лачугу не украсили даже подаренные Амлафом золотые кресты на алтаре. Под лучами утреннего солнца, несмело падавшими из окон на каменные стены, капелла напоминала гробницу даже больше, чем при свечах.

Однако меня забавляла ирония происходящего: те же монахи, которые сейчас рылись в грязи, однажды ревностно молились о смерти моего мужа. Амлаф Рыжий, викинг и король Дублина, некогда снискал славу убийцы священников, грабителя церквей и грозы ирландских христиан. А теперь он покоился в церкви, приняв чужую веру. Ему простили все

смертные грехи и позволили отправиться в рай, как любому другому христианину.

В здравом уме Амлаф, конечно, ни за что бы не стал просить священников о крещении. Кошмарная гибель Рагналла в битве при Таре сломила его дух и отвратила от древних богов родины. Я отчетливо помнила, как год назад Амлаф возвратился в Дублин во главе побежденного войска. Он нес на руках мертвого сына, и по лицу его лились слезы. Стоило ли оплакивать такого дурня, как Рагналл! Впрочем, первенцы часто наполняли отцовские сердца безрассудной любовью, не оставляя места для других потомков. Наш малыш Ситрик уже в десять лет соображал лучше единокровных братьев, но Амлаф не обращал на него внимания.

Перед моими глазами предстало лицо Ситрика. Мальчик мой, любовь моя, почему ты так далеко? Я смахнула непрошенные слезы, чуть не хлынувшие из глаз. Будь проклят Амлаф. Он зачих так быстро, что у меня не осталось иного выбора, кроме как исполнить волю покойного и отвезти его на Айону для христианского погребения. Ни один другой монастырь ему не удалось подкупить. Ситрика пришлось оставить в Дублине, но разве я могла поступить иначе? Я ни за что не могла позволить Амлафу умереть в городе. Глуниарн, старший из его оставшихся сыновей, запросто перерезал бы мне глотку и сжег тело на погребальном костре отца. «Надо же королю Амлафу кого-нибудь трахать в Вальхалле», – заявил бы он. Нет уж, достаточно и того, что Амлаф трахал

меня последние десять лет, не хватало еще, чтобы это продлилось целую вечность.

Я услышала звонкий стук деревянных башмаков по каменному полу.

Быстрые шаги. Прекрасно. Значит, церемония вот-вот начнется. Я открыла глаза и улыбнулась кротко и печально – в самый раз, чтобы настоятель покраснел до ушей. На ненавистном острове оставалось только дразнить монахов, и я с удовольствием думала, сколько раз им пришлось прибегнуть к самоистязанию из-за меня.

– Могила готова? – спросила я, когда шаги приблизились и остановились.

– А мне откуда знать?

Я обернулась и взглядела в волглый утренний полумрак, скрывающий знакомое лицо.

– Это ты, мама?

Еще один шаг, и я увидела знакомые золотые глаза Этлинн, бывшей королевы Ленстера. Тело ее пряталось под черной накидкой, а волосы и рот закрывала ткань. В кои-то веки она оделась как требовали приличия.

– Что ты здесь делаешь? – прошипела я. – Снаружи стоят два воина Амлафа. Тебя могли узнать.

Мать отмахнулась:

– Мне нужно поговорить с тобой, а в Дублине попасться кому-то на глаза куда легче, чем здесь.

Я расправила плечи и усилием воли подавила рвущийся

наружу крик. Мать навещала меня лишь с дурными вестями, и от ее появления на похоронах Амлафа мои внутренности слиплись в холодный ком. Я немедленно подумала о Ситрике. Неужели сводные братья навредили ему? Нет, ведь он еще ребенок. Глуниарн славился приступами ярости, но никогда не вымещал ее на детях... Впрочем, в Дублине лишь одного мальчика чужеродная женщина родила мертвому королю.

Как бы я ни пыталась казаться спокойной, голос предательски задрожал.

– Ситрик в порядке?

Мать поцокала языком:

– Честное слово, Гормлат, нельзя так переживать из-за смертных детей. Ты немало их похоронишь за жизнь. Скрепи сердце и выслушай мой совет.

Ее глаза засияли так странно, что мое любопытство перебило желание ей нагрубить. Кроме того, споря с матерью, я всегда умудрялась ляпнуть что-нибудь, о чем потом жалела. Не пора ли попробовать иной подход? Я провела рукой над телом Амлафа.

– Пришла сказать, что ты оказалась права?

– Насчет чего? – прищурилась она.

– Как ты и обещала, Амлаф долго не протянул. Полагаю, я должна быть тебе благодарна.

– Еще бы. Это же я сделала тебя королевой Дублина.

Стиснув зубы, я покачала головой:

– Когда ты выдала меня за Амлафа, мне было тринадцать, он годился мне в прадеды.

– Неужели золотые ожерелья и фибулы совсем не скрасили несчастный брак? – Я отвела взгляд, она заметила это и насмешливо ухмыльнулась. – Да что ты знаешь о боли! Я родила тебя, уже став королевой, но всего за два года до этого была нормандской рабыней, захваченной викингами во время набега. Меня купил король Ленстера – великий Мурхамак Финн. Одного взгляда хватило, чтобы вдоволь налюбоваться его гнилыми зубами и лысым черепом. Но разве мне это помешало? Нет. Я думала лишь о том, как женить его на себе.

– И тебе это удалось. Очень рада за тебя, мама.

– Думаешь, браки между королями и жалкими попрошайками – обычное дело? Да никто и представить не мог, что женщина без рода и племени выйдет замуж за короля. Ты и не догадываешься, с каким трудом я его убедила... и что мне пришлось сделать. А если бы знала, то молчала бы про своего Амлафа. – Она постучала ногтем по серебряному медальону у себя на шее. В волглом воздухе церкви все звуки казались приглушенными. – Да и сколько лет он тебя сношал, пока старость не взяла свое? Четыре? Пять? Ерунда.

Амлаф перестал тереться о меня омерзительным телом и обдавать зловонным дыханием лишь полгода назад, но жаловаться матери бессмысленно. Мой отец был так же уродлив, как муж.

Как странно, что теперь я могу это понять. Я больше не ощущаю привычной ярости. Теперь я смотрю на мать без ненависти, а лишь с пониманием и жалостью, но этим чувствам нельзя позволить взять верх. Мать что-то затевает – интригу, в которой наверняка снова отводит мне роль безвольной пешки. Довольно. Я больше не наивный тринадцатилетний ребенок.

Пожав плечами, я разгладила меховую накидку Амлафа:

– Все это уже не важно. Амлаф мертв, отец мертв... Кстати, а разве ты не должна тоже быть мертва? Помню твои похороны. Ты бы оценила размах, с которым тебя провожали. Среди гостей был даже верховный король Шехналл.

Мать молча разглядывала узоры на клинке Амлафа. С трудом скрывая ухмылку, я продолжила:

– Так зачем ты здесь? Я думала, ты давно вышла за какого-нибудь пузатого франка голубых кровей.

– Рауль мертв.

Неприкрытая боль в голосе матери помешала мне упиаться колкостями. В ее любви к сыновьям сомневаться не приходилось. Моего полнородного брата Малморду баловали и нахваливали, словно маленькое божество. А уж Рауля – единоутробного брата, которого я никогда не видела, – она описывала так восторженно, что на ум приходил сам Ахиллес.

– Как он погиб?

– Его нашли потомки Туата Де Дананн.

У меня на мгновение перехватило дыхание, а сердце забилось быстрее обычного.

– Мне искренне жаль, мама. Я знаю, как ты любила Рауля, но не понимаю, зачем тебе понадобилось сообщать эту весть лично. Хватило бы и письма.

– Нет. Не в этот раз.

Когда мать убрала ткань с лица, я ожидала увидеть знакомую россыпь длинных черных кудрей – венец ее красоты, как говаривал отец. Вместо этого взгляду предстали тонкие, почти прозрачные седые пряди, едва прикрывающие скальп.

Я протянула руку во тьму, и ближайшая свеча вспыхнула ярким пламенем. Оно ринулось вверх по мокрым стенам и зашипело от влаги. В этом свете я как следует рассмотрела лицо матери. Некогда гладкие щеки испещрены морщинами, под глазами нависли мешки. Фоморы стареют совсем не так, как простые смертные. Столетиями мы наслаждаемся расцветом молодости, но в последний год жизни старость мгновенно портит нас, словно перезрелые фрукты.

– Прекрати, Гормлат, – рявкнула мать.

– Мы здесь одни. – Я все же опустила руку, и пламя угасло. – Значит, ты умираешь. И на сей раз – не понарошку.

Она кивнула:

– Мне довелось прожить три сотни лет. Полагаю, я уже увидела свою последнюю осень.

В горле стало тесно, словно я проглотила что-то необъятное. Мать глядела, высоко подняв голову, но ей не удавалось

скрыть смятение.

– Тебе нужна помощь?

– Нет. Я ушла в местный монастырь и заплатила монашкам достаточно золота, чтобы они заботились обо мне до самой смерти. – Содрогнувшись, она убрала седины под плотную вуаль. – Тебе незачем на это смотреть.

Я сложила руки на груди и чуть заметно кивнула. Примерная дочь настояла бы на том, чтобы остаться с матерью, но у меня не возникло ни малейшего желания наблюдать, как она умирает. Даже смерть Амлафа оказалась достаточно болезненным зрелищем, а ведь я после первой же брачной ночи каждую неделю умоляла богов ниспослать ее.

– Тогда чего ты хочешь?

– Посоветовать тебе, как воспитывать детей... если ты однажды родишь истинного фомора.

Я запрокинула голову и залилась глубоким нервным смехом, который гулко разнесся по пустому залу и отозвался эхом в далекой мгле.

– Я не шучу. – Мать схватила меня за руку, и я впервые увидела в ее холодных глазах истинный страх. – Я родила шестьдесят детей. Пятьдесят оказались смертными, и лишь десять унаследовали наше волшебство. Мы – фоморы, потомки самого короля Балора, и в наших венах струится волшебный огонь. Ты и твой брат Малморда – наследники всего нашего рода. Когда я умру, вы останетесь последними фоморами на свете.

Я вырвала руку:

– И чья же в том вина?

– Теперь я понимаю, что моя. – Она закусила губу. – Да, смертельные удары наносили потомки Туата Де Дананн... но мне стоило научить детей владеть волшебством. Научить их быть настороже.

Я медленно выдохнула. Как же странно – если не страшно – услышать, как мать признает вину.

– В молодости я вела себя слишком заносчиво, – прошептала она. – Мои братья тогда еще не умерли, и я не сомневалась, что мы уничтожим потомков Туата Де Дананн. Мы собирались напасть на их крепость, но... Они настигли нас прежде, чем мы сумели ее отыскать. Ни моим детям, ни братьям не была уготована долгая жизнь.

– А вот тебе удалось скрыться.

– Вижу, ты строго меня за это судишь, – кивнула мать.

Мой взгляд упал на деревянный крест, висящий под крышей часовни. К нему был прибит деревянный человечек с терновым венцом. Сколько же родителей охотно жертвовали собственными детьми, чтобы добиться желанных целей и спасти себя.

– Ты всегда отказывалась говорить о других своих детях. Что изменилось?

Мать глубоко вздохнула.

– Имей в виду вот что: с тобой я не допустила той же ошибки. Я научила тебя пользоваться волшебным огнем и

выдала замуж за короля. Да, ты не любила ни Амлафа, ни отца, но они защищали нас. Потомки Племен богини Дану держатся в стороне от королевских дворов, а в особенности – от викингов. Мне хватило времени, чтобы научить вас с Малмордой держать свои способности в тайне. – Мать высоко подняла голову и заглянула мне прямо в глаза. Гордости ей по-прежнему было не занимать. – Вот почему ты все еще жива.

– Но надолго ли? – Я не отвела взгляда, как в детские годы. – Или ты хочешь сказать, что Потомки выпытали у Раула, где мы скрываемся?

Руки матери вцепились в спинку кресла. Сначала я приняла это за признак усталости, но потом заметила, что ее юбка трясется. Раньше я никогда не видела, чтобы мать дрожала всем телом.

– Рауль не рассказал им ни про меня, ни про тебя, ни про Малморду.

– И почему ты в этом уверена?

– Потому что я убила его прежде, чем до него успели добраться потомки Туата Де Дананн.

У меня перехватило дыхание.

– Не оставалось другого выхода, – тихо произнесла мать. – Да, он был одним из нас... Но этот пьяница не желал меня слушать... Я обязана была защитить вас с Малмордой. – Она перешла на шепот. – Когда явились враги, я спряталась. Они стояли и наблюдали, как Рауль задыхается от яда, который я

подмешала в его вино.

– Ты видела их? Во плоти? – Волоски на моих руках встали дыбом. Встречу со смертоносными воинами Племен богини Дану до сих пор не пережил ни один фомор. Узнав, что мать стала первой, кому это удалось, я почти забыла о давней неприязни. – Как они выглядели? Что говорили?

– Почти ничего. Одного звали Томас – бледнолицый, светловолосый, зеленоглазый; весь в мехах и красных шелках. У второго была темная кожа, черные волосы, заплетенные в косы, и серые глаза. Он носил одеяния монаха и называл себя братом Кол-моном.

Мать вспомнила о встрече с Потомками, и в ее глазах блеснули слезы. Она отвела взгляд, устремив его вдаль. Я молча ждала, пока она соберется с мыслями.

– Они посчитали Рауля последним из нас, – произнесла она наконец. В голосе вновь послышалась былая сила. – Нельзя допустить, чтобы они узнали правду. Помни, как не попадаться им на глаза. Не забывай о правилах, которым я тебя научила.

Я крепко взяла мать за руку, не позволяя ей отстраниться.

– Мне жаль, что ты потеряла Рауля, но зато мы узнали кое-что полезное. Мы с Малмордой сможем найти и узнать их по твоим описаниям. В Ирландии не так много мест, где могут прятаться Потомки.

Мать нахмурилась, и я почувствовала, как напряглись ее пальцы, лежащие между моих ладоней. Ее взгляд вновь со-

средоточился на моем лице.

– Мое время на исходе, Гормлат, а потомков Туата Де Даланн предстоит искать твоему брату – не тебе.

Я закусила нижнюю губу и разжала пальцы, освобождая ее руку.

– И как скоро мне придется изображать собственную смерть? Через десять лет? Двадцать?

В моем голосе сквозила исчезнувшая было ожесточенность. Вот и еще одна участь, на которую меня обрекла мать. Все женщины Ирландии еженощно молились о красоте и долголетию... Все, кроме меня. Для меня они равносильны проклятию.

Мать взгляделась в мое лицо.

– Через десять, если повезет. Через двадцать, если ты дура. Запомни: именно так Потомки вычисляют тех, кто скрывает волшебный огонь. Достаточно малейшего слуха о человеке, отказывающемся стареть, чтобы они отправили разведчика. Воина, способного учуять фоморское пламя, горящее в нашей крови.

– Значит, я должна не высовываться, вновь выйти замуж, а через двадцать лет разыграть свою смерть и бесследно скрыться. Повторять это снова и снова, пока наконец не состарюсь. Это и есть твой последний мудрый совет?

– И да... и нет.

Я не ожидала такого ответа и не смогла затушить разгорающийся огонек любопытства. Мать всю жизнь твердила:

«Замужество, роды, побег». Отклонение от привычных наставлений удивило меня настолько, что было сложно сохранить бесстрастный вид.

Мать улыбнулась, и ее глаза вновь блеснули коварством.

– Если твой брат станет верховным королем, он обретет достаточно могущества, золота и воинов, чтобы навсегда стереть потомков Туата Де Дананн с лица земли. А если ты...

– Мама. – Я устало покачала головой. – Ничего не получится. Королям Ленстера никогда не подчинялся весь остров, а Малморда – даже не король Ленстера.

Она подступила ближе, глядя на меня широко распахнутыми глазами.

– Ирландия меняется, Гормлат. Портовые города северян приносят острову немало богатства. Если на стороне Малморды выступят викинги Дублина, отчего бы ему не замахнуться на титул верховного короля?

На мгновение мое сердце замерло.

– Ты хочешь, чтобы я помогла Малморде?

– Нет, не ты, – усмехнулась она. – Ты бесследно исчезнешь задолго до этих событий. Я говорю про Ситрика. Прежде чем скроешься, ты обязана сделать его королем Дублина. А уж он поможет Малморде исполнить задуманное.

– Нет. Мой сын не станет пешкой в твоих честолюбивых играх.

Мать вздохнула и нахмурила брови – разве что глаза не закатила.

– Рано или поздно ты поймешь, что я права. Сколь бы ты ни любила своих смертных детей, они не похожи на нас. Им отпущены считанные мгновения. Они – лишь бабочки, услада для глаз, и ничего кроме. Если они сумеют помочь – что же, тем лучше. Больше от них все равно никакого толку.

– Я души не чаю в Ситрике.

– Я сказала все, что хотела. – Мать отступила в тень. – Скоро Малморда захочет поговорить с тобой. Если ты хоть немного меня любишь, то поможешь брату. А если он сумеет уничтожить Потомков, тебе больше не придется скрываться. Подумай над этим.

Ее шаги снова раскатились эхом по всей церкви. Ни объятий, ни прощальных поцелуев – впрочем, мы всегда так расставались.

Сидя возле тела Амлафа, я тщательно обдумывала все, что услышала от матери. Проклятие, как же я устала быть ничтожеством – женщиной, зависящей от решений мужчин. Хватит. Довольно. Что бы ни говорила мать, в моей жизни нет никого важнее Ситрика. Я люблю сына. Пожалуй, он единственный, к кому я когда-либо испытывала это чувство. Я решила, что сделаю его королем, но не ради Малморды, как хотела мать. И я останусь с ним дольше, чем на десять лет. С моей помощью Ситрик станет могущественным правителем, сможет жениться по любви и сражаться лишь по собственной воле. Я дам ему то, в чем родители отказали мне. Свободу.

Я потеряла счет времени к моменту, когда снова услышала шаги. Один человек шаркал по каменному полу церкви, другой шагал рядом уверенной походкой. Подняв взгляд, я увидела в капелле настоятеля и Фалька – старшего корабеля Амлафа.

– Все готово к похоронам, моя королева, – объявил настоятель с подобострастным поклоном.

– Хорошо. – Я потуже обернула накидку вокруг плеч. – Готовь корабль, Фальк. Я хочу как можно скорее отправиться назад в Дублин.

– Тогда нужно выходить в море немедленно, пока не начался прилив, – мрачно заметил Фальк.

– Прекрасно.

Настоятель распахнул рот, словно дохлая рыба.

– Но мы ведь еще не похоронили короля Амлафа. Вы ведь желаете посмотреть на отпущение его грехов и погребальные молитвы?

Я протянула руку Фальку и смерила настоятеля жестким

ВЗГЛЯДОМ.

– Нет. Не желаю.

Оставив его глотать воздух ртом, я вышла из церкви. Медлить нельзя. Дома ждет сын. Мне больше нет дела до мертвецов.

Горы Уиклоу, 992 год

Фоула

«Фоула, ты нужна мне».

Я распахнула глаза. Роунат? Что она здесь делает? Я скинула одеяло, сползла с кровати и потянулась за платком.

«Скорее, Фоула. Ты нужна мне».

Дверь затряслась с такой силой, что едва не разорвала веревку, служившую замком. Я стряхнула последние остатки сна. Случилось что-то страшное. Роунат не предупредила, что явится в столь поздний час.

– Подожди! – Перепрыгнув через тлеющие угли очага в сердце жилища, я отвязала веревку, и дверь распахнулась. – Роунат! Что ты здесь?..

Я выскочила из дома, собираясь заключить сестру в объятия, но меня встретил лишь холодный полуночный воздух.

– Роунат?

Я взгляделась во тьму. Реку и влажную траву заливал призрачно-бледный свет полной луны, но сестры нигде не оказалось. Я подошла к берегу, забралась на валун и внимательно изучила болотистые земли, простирившиеся между моим ро¹ и горным хребтом.

¹ Ро (*ирл.* ráth) – круглое укрепленное жилище на земляном валу, распространенное в кельтских странах в железном веке и раннем Средневековье (*прим. пер.*).

– Роунат, где ты? Что с тобой? – вскричала я.

Ночь наполнилась звуками. В лесу рыскали волки, в конюшне фыркала Энна, ветер ворошил листву. Однако мне казалось, что вокруг воцарилась абсолютная тишина. Так не хватало смеха сестры и суматохи, которую она создавала одним своим присутствием.

– Роунат, ты меня слышишь? – Я замерла. – Это что, шутка? Ты меня пугаешь.

Ответа не последовало. Покачав головой, я плотнее завернулась в платок и пошла обратно к дому. Наверное, это был просто сон. Обычный дурацкий сон. И о чем я только думала? Ну как Роунат могла оказаться здесь? Совет только прошлой зимой отправил ее в Ласкский женский монастырь, где по воле Томаса ей предстояло провести еще по меньшей мере два года. Даже попади сестра в беду, она не помчалась бы за помощью в такую даль.

Я захлопнула дверь и снова привязала веревку к крюку на стене. Какая же я дура. В кои-то веки сумела уснуть без зелья Томаса, а теперь точно не сомкну глаз из-за холода. В любую другую ночь это не имело бы значения, но следующим утром меня ждет долгий путь. Дорога до крепости Потомков на острове Феннит несложная, но она пролегает через ирландские провинции, постоянно сражающиеся друг с другом. Мне нужна ясная голова, чтобы держаться подальше от смертных и их бесконечных стычек, а для этого не помешало бы как следует отдохнуть.

Я присела у огня и разворошила угли палкой. Затухающий костер еще можно было спасти, и я поспешно потянулась за охапкой хвороста. Когда горячие угли разожгли свежую растопку, комнату заполнил густой тянущийся ввысь дым.

– Фоула!

Дверь затряслась. Я вскочила на ноги.

– Роунат, что проис...

Веревку сорвало с крюка, и дверь распахнулась с такой силой, что задрожали стены. Вихрь с воем ворвался в ро и едва не сбил меня с ног: могучий, как гром, ледяной, как метель. Столы и стулья полетели кубарем, врезаясь в стены и крышу. Ухватившись за одну из угловых стоек, я всем телом прижалась к ней и уткнулась спиной в стену.

– Иди ко мне, – простонал родной голос.

– Роунат? – вскричала я. – Что стряслось?

– Приди ко мне, сестра, – провыл голос.

Я не смогла ответить. От ужасных порывов ветра у меня перехватило дыхание, а руки и ноги начали соскальзывать со стойки. Я больше не могла ни держаться... ни дышать...

Очнувшись, я обнаружила, что лежу лицом вниз посреди комнаты – там, где раньше стоял очаг. Камни, из которых он был сложен, разметало по всему дому. Некоторые даже оказались на улице.

Вокруг царили тишина и спокойствие. Я осторожно подняла голову, вытряхивая из волос стебли со- ломы.

Ветер донес до меня голос Роунат.

Когда я попыталась встать, у меня подкосились ноги, и до кровати я не то добрела, не то доползла. Уже долгие столетия ни одному потомку Племен богини Дану не удавалось зачаровать ветер. Я никогда не сомневалась, что Роунат – могущественная ведьма, но у ветра уже есть свой голос, и подчинить его чужой воле нелегко.

Я то садилась, то вставала с кровати, пытаюсь унять бешено колотящееся сердце и едва осмеливаясь дышать в надежде, что ветер поднимется вновь. Вместо того чтобы вознаградить мое терпение, он полностью затих. Это означало, что я услышала послание сестры. Роунат просила помощи.

Я схватила платье, плащ, сумку и помчалась к стойлу.

– Энна, нам пора.

Фыркнув, в мою руку ткнулась ноздрями крупная кобыла. Я угостила ее яблоком, обняла за шею и забралась в седло.

– Давай, Энна. Ищи Роунат.

Дважды повторять не требовалось. Лошадь выскочила из стойла, помчав меня в Ленстер.

Когда мы добрались до холма, близ которого располагался Ласкский монастырь, солнце уже сожгло остатки утренних облаков. Волшебная природа Энны позволяла без усталости скакать всю ночь, но лошадь вдруг замедлила шаг.

– Ну же, – прошептала я. – Осталось совсем немножко.

Энна фыркнула, и я ощутила, как напряглись ее мускулы. Она отказывалась идти дальше.

Тогда-то я и почувствовала запах.

Выпрыгнув из седла, я резко наклонилась, чтобы меня не стошнило на собственное платье. Внутренности скручивала не только сама вонь, но и то, что она означала. Это было не первое мое знакомство с горелой человеческой плотью. За последние два столетия викинги совершили немало набегов на мужские и женские монастыри и нередко пытали настоятельниц и настоятелей, выведывая, где спрятаны сокровища. Тогда Совет еще позволял нашим целителям помогать смертным.

Я с трудом снова забралась на Энну.

– Роунат рядом, – прошептала я в ее ухо. – Нужно найти ее.

Энна перешла на легкий галоп. Мы забрались на холм, и глаза подтвердили то, о чем я догадалась по мерзкому запаху. Над травой стелился дым, а жадный огонь обглаживал останки деревянного каркаса церкви. Ни одна из построек монастыря не уцелела: их глиняные стены либо обуглились, либо рухнули. Землю устилали тела – такие же безжизненные, как и окружающие их камни. Я насчитала семь трупов и поняла, что куда больше мертвецов осталось внутри тлеющей церкви.

Я ринулась вниз по холму и остановилась, только добравшись до первого тела. Перевернув монахиню на спину, я осторожно развязала ее платок, надеясь обнаружить признаки жизни. Увы, сердце давно остановилось, а тело остыло. Я побежала к другим телам и одно за другим осмотрела все. На груди и животе каждой из убитых монахинь я обнаружила глубокие раны. Все они, бездыханные, лежали в засохших лужах собственной крови.

– Роунат! – вскричала я. – Ты меня слышишь?

Я жаждала услышать ответ, но его не последовало. Тогда я вскочила на ноги и забежала в церковь, проскользнув между пылающих бревен крыльца. Огонь подпалил кожу, но я не обратила на это внимания. С ожогами на лице и голове легко справится мой дар исцеления, а любая боль отходила на второй план, когда на кону стояла жизнь сестры.

Возле алтаря я нашла сразу несколько монахинь, лежащих друг на друге. Ближайшие к рухнувшей крыше трупы почернели от пламени. Кожа и плоть растаяли, словно свечной воск. Я вновь ощутила подступающий к горлу комок рвоты. А что, если одна из мертвых – Роунат?

Нет. Нельзя даже думать об этом. Сестра не стала бы ждать своей участи в обреченной церкви, словно агнец на заклание.

Она сумела бы спастись.

Оставив позади гору трупов, я забежала в дормиторий и проверила каждый задымленный уголок. Остановилась, лишь наткнувшись на кладовую в дальней части монастыря. Сырые глинобитные стены помешали огню поглотить эту комнату, и я воспользовалась неожиданной передышкой, чтобы отворить заднюю дверь. Внутри ворвался поток свежего воздуха, и я жадно вдохнула его ртом.

Надышавшись, я обратила внимание на плотный слой плюща, покрывающий стены и крышу. Снаружи он обгорел, но густой сок и грунтовые воды не дали огню проникнуть дальше. Должно быть, Роунат наложила заклинание, помешавшее кладовой сгореть вместе с остальным монастырем. Я продолжила поиски, уцепившись за всполох надежды. Наконец я заметила что-то за бочками с зерном... Тело. Невысокая женщина с торчащими из-под платка темно-коричневыми волосами.

– Роунат!

Я опустила на колени и перевернула сестру на спину. Дела были плохи. Ожоги не оставили на ней живого места, а вокруг ушей и носа засохла кровь. Прижав ухо к ее груди, я услышала едва заметное сердцебиение. Сразить потомков Туата Де Дананн в бою непросто, но мы и не бессмертны. «Огонь и клинки», – предупреждал отец, когда я впервые покинула родной ро, и, похоже, Роунат пострадала и от того и от другого.

Я подняла сестру и потащила наружу. Выбравшись из-под завесы дыма, я опустила ее на траву и стащила с нее верхний слой одежды. Волосы Роунат слиплись от крови из-за глубокой раны на голове, но шея и грудь не пострадали, а ожоги виднелись лишь на руках и на ногах. Она выжила. Она все еще дышала. Я могла ее спасти.

– Роунат? – Я осторожно потрясла ее. – Ты меня слышишь?

Она молчала.

– Не волнуйся, сестренка. Я с тобой.

Я прижала руку к порезу на ее голове и почувствовала исходящее от меня течение дара. Раны на коже закрылись, вены и артерии исцелились, а сломанные кости вмиг срослись. Дыхание Роунат выровнялось.

– Фоула, – прохрипела она, с трудом поднимая дрожащие ресницы. – Ты меня нашла.

– Конечно нашла.

Роунат с усилием втянула воздух и сжала мою руку.

Я хотела обнять ее, но меня остановили сочащиеся раны на ее обгоревших плечах. Ей наверняка было невыносимо больно. На почерневших пальцах темнели красные нарывы, с рук слезла кожа, обнажив плоть. Я прижала ладони к предплечью сестры и держала, пока кожа не приобрела здоровый сливочно-белый оттенок, а затем переместила руки выше.

– Что случилось, Роунат?

– На восходе на монастырь напали воины. Я умоляла по-друг уйти из церкви... спрятаться... – Роунат зажмурилась, не в силах продолжать.

– Ты видела, что за воины?

– Дублинцы.

Этого я не ожидала. Да, викинги любили устраивать кровавую резню, но владыки Дублина уже два десятилетия не нападали на ирландские монастыри. Торговля с Англией и средиземноморскими странами приносила в разы больше прибыли, чем разграбление христианских святынь.

– Ты уверена? – спросила я. – Может, это были норвежские викинги или шотландские островитяне?

Роунат откашлялась:

– Нет. Дублинцы. Я узнала их предводителя. Его зовут Ситрик – Ситрик Шелкобородый.

Я тоже знала это имя. Нередко сопровождая Томаса на собраниях Совета, я хорошо запомнила имена всех, либо уже обладающих властью в Ирландии, либо однажды способных ее обрести. Впрочем, раньше этого Ситрика, младшего свод-

ного брата Глуниарна, короля Дублина, никто не считал такой уж важной фигурой.

– Другим ирландским королям не понравится нападение на женский монастырь, – задумчиво произнесла я. – Несомненно, король Глуниарн станет все отрицать.

Роунат криво ухмыльнулась:

– О нет, король Глуниарн ни при чем. Ситрик напал самовольно. Но ему не скрыться от правосудия. Один из воинов Глуниарна, Эгиль, видел, что здесь случилось.

Я наклонилась, поднося ладони к лицу Роунат. Красные нарывы на ее щеках исчезли, и я снова увидела знакомые темные веснушки вокруг носа, однако глаза сестры по-прежнему переполняла боль.

– Ты точно ничего не путаешь? – спросила я, даже не пытаясь скрыть недоверие, и продолжила ощупывать ее череп в поисках трещин. Роунат всегда путала имена и плохо разбиралась в политике, но я обязана рассказать Томасу, что здесь случилось на самом деле. Одно дело, когда на женский монастырь нападает сам король Дублина, и совсем другое – когда пытается снискать славу его завистливый младший брат. Если же виноваты заморские викинги, для Томаса это известие стало бы пустым звуком.

– Я точно знаю, что видела. Я не раз встречалась с Эгилем. – Сестра некоторое время смотрела на меня широко раскрытыми глазами, а затем быстро отвела взгляд и обхватила руками живот. – Он часто меня навещал... пока я ему

не запретила.

– Роунат, о чем ты?

Я прекрасно понимала, о чем она. Исцеляя сестру, я почувствовала внутри нее еще одну, незнакомую жизнь.

Мои ладони опустились на ее живот и забрались под плотную ткань плаща.

– Ты что, путалась с Эгилем? – Мне с трудом давались эти слова. – Со смертным мужчиной?

– Не такие уж мы и разные.

– Нет уж, мы разные. Возможно, их женщины и знают что-то о доброте, но мужчины – просто звери, одержимые алчностью и лукавством.

– Не повторяй за Томасом. – Роунат подняла голову. – Ты разве не помнишь, что в детстве мы играли со смертными, пока не запретил Совет? Неужели ты забыла, как весело нам было?

Я покачала головой. Она говорила о событиях почти столетней давности, и сейчас не время их ворошить. Я прижала ладонь к животу Роунат, стремясь почувствовать ее чрево.

– Четыре месяца?

– Уже почти пять. – Она закусил губу.

– Проклятие, Роунат! Совет отправил тебя в монастырь, чтобы ты смотрела в оба и сообщала Томасу о визитах влиятельных людей.

Я утерла пот со лба, пытаясь немного успокоиться, но не сумела. Нельзя было изменить то, что она натворила.

Ее пальцы скользнули по моей кисти.

– Фоула...

Я отдернула руку:

– Говоришь, не такие уж и разные? Тогда почему те воины подожгли монастырь? Почему твой Эгиль стоял и смотрел, прекрасно зная, что внутри остались ты и ваш нерожденный ребенок? Ну и трус! Совет не зря предостерегал нас от этих злодеев.

Роунат покачала головой.

– Эгиль пытался спасти меня, но не сумел попасть в церковь. Он хороший человек, Фоула. Поверь мне. – Она опустила руки на живот и осторожно погладила его. – Когда я впервые встретила Эгиля, мне приснился мой малыш. – Она прикрыла глаза. – Я обязана подарить сыну жизнь. Чувствуешь, как он шевелится? Он ведь уже готов стать частью нашего мира.

У меня пересохло во рту. Я уселась на полы своего плаща. Искреннее счастье, звучащее в ее голосе, лишь ту же затягивало узел в моем животе. Даже если забыть про мою неприязнь к смертным мужчинам, нам предстояло решить куда более серьезную проблему.

– Закон запрещает нам иметь смертных любовников, Роунат. Ты разве забыла? Совет тебя покарает.

– Я знаю. И готова понести наказание. Я с чем угодно справлюсь – только не сердись на меня.

Я выдохнула и накрыла подушечками пальцев последние

ожоги, оставшиеся на ее шее. Мгновение спустя кожа затянулась, не оставив ни единого шрама.

– Я слишком рада, что ты жива, чтобы на тебя злиться. Я просто хотела бы ...

– Чтобы я выбрала мужа из нашего племени?

Я кивнула.

– Сердцу не прикажешь, Фоула, – молвила Роунат, печально глядя на меня. – Иначе бы и ты давно вышла за Томаса.

– Не увиливай.

Роунат перевернулась на бок:

– Ладно. Не будем о Томасе: знаю, это больная тема. Но мне ведь нет дела до законов Совета. Мне суждено было зачать сына от смертного. Так нашептал мне ветер.

– А кто нашептал это ветру? – огрызнулась я. – Почему эти голоса обязательно должны желать тебе добра? Ты об этом подумала?

Роунат рассмеялась: после исцеления к ней сразу вернулись силы.

– Я слышу немало голосов: и хороших и плохих. Я уже хорошо с ними знакома и умею различать. Ветру ведь все равно, кто перед ним: Потомки или смертные. Раньше и нам с тобой было все равно.

– Да, давным-давно, когда я была несмышленным ребенком.

Я молча подседа ближе к Роунат и погладила ее волосы. Дар исцеления отнимает немало сил, если спасать стоящего

на пороге смерти, и я слишком утомилась, чтобы продолжать этот разговор.

– Постарайся вспомнить, – мягко попросила сестра. – Вспомни того юношу, Колума, который жил в ро у подножия горы. Он каждое утро пел и все время кормил младших сестер своей едой. А еще помогал каждому нищему, который стучался в дверь. Я больше никогда не встречала такой доброй души: ни среди Потомков, ни среди смертных.

Да, я помнила Колума, его песни и кроткий нрав. Я восхищалась им не меньше, чем Роунат. Но мое последнее воспоминание о юноше было совсем другим. Он лежал под стеной родного ро с копьем в боку, навеки закрыв глаза. Об этом я никогда не рассказывала сестре. А возможно, стоило бы. Прозрела бы она, узнав, что Колума убили? Я сомневалась, что даже это переубедило бы ее. Она прожила на этом острове не меньше меня. Каждый уголок Ирландии осквернила война. В мире смертных царят насилие, смута и ненависть, а сестра наотрез отказывается это признать.

– Роунат, мы обе присутствовали на Совете, когда принималось Новое соглашение. – Поднявшись на ноги, я смахнула грязь с подола платья. – Ты прекрасно знаешь, почему понадобились эти законы.

– Совет ошибся, – нахмурилась Роунат.

– У Совета не оставалось иного выбора. Живя бок о бок со смертными, мы слишком полюбили их – настолько, что участвовали в их войнах и убивали собственных сородичей.

Томас был прав. Если бы мы не покинули их, нашему роду давным-давно пришел бы конец.

Роунат погладила подбородок:

– Но ведь и в наших венах течет кровь смертных. Они – наши сородичи. Зачем же отказывать себе в их любви? Твоя дочь...

– Не впутывай сюда Ифу. – Мои слова прозвучали так резко, что улыбка Роунат пропала.

– Прости. – Она обняла меня. – Давай не будем ссориться.

Когда я прижалась к сестре, меня охватило невероятное желание разрыдаться, но я не хотела, чтобы она снова увидела меня в слезах.

– Пойдем, – сказала Роунат чуть погодя. – Нужно добратся до крепости. Тебе нельзя опаздывать на собрание, а Томас должен узнать, что здесь случилось.

– Может, тебе не стоит туда ехать?

Догадавшись, что я имела в виду на самом деле, сестра вывернулась из объятий и поцеловала меня в щеку.

– Я не могу просто сбежать и притвориться, что моего ребенка не существует.

– Но ведь рассказывать остальным не обязательно. Спрячься где-нибудь, а потом отдай ребенка в хорошую семью.

Роунат со вздохом взяла меня за руку. Я слишком хорошо знала сестру, чтобы пытаться ее переубедить. Мы молча направились к Энне, ждавшей неподалеку от церкви. Мы

шли мимо убитых монахинь, и по щекам Роунат текли слезы. В воздухе стоял запах крови и горелой плоти, а на лицах несчастных навеки застыли страх и отчаяние. Сестра подошла к каждой, как могла прикрыла тела и прошептала слова прощания.

– Мне так жаль, Роунат, – произнесла я, помогая ей накинуть плащ на одну из женщин.

Она смахнула слезы рукой:

– Никто не заслуживает такой смерти.

Я кивнула и молча наблюдала, как она оказывает почести оставшимся. Почему сестра защищает смертных даже после такого? Как у нее поворачивался язык даже разговаривать с Эгилем, не говоря уже о том, чтобы с ним спать? Все признают, что смертные мужчины – настоящие животные. Из-за этих мыслей я вспомнила об Ифе, и слезы, с таким трудом сдерживаемые раньше, наконец полились ручьем.

К тому моменту, как Роунат закончила прощаться с монахинями, я сумела взять себя в руки. Я чувствовала, что у меня опухли веки, но сестра слишком погрузилась в свои мысли и ничего не заметила. Забравшись на Энну, мы молча пустились в путь.

Роунат все молчала. Я хотела заговорить первой, но тревога лежала на языке мертвым грузом. Хотелось верить, что Томас и Совет проявят милосердие. В конце концов, Роунат не вмешивалась в жизнь смертных, не призывала их к насилию и не помогала вести войны. А как же ребенок? Он ро-

дится смертным, как и его отец. Что ждет его?

Вопросы вихрем кружились в моей голове, а ответы так и не приходили на ум. Чем меньше оставалось до крепости, тем больнее сжималась грудь. Когда мы забрались на холм, вновь поднялся ветер: он со свистом и воем промчался по раскинувшемуся вокруг лесу. Трещали ветки, шуршала листва, беснующийся ураган напоминали мне о заблудившемся ребенке, который рыдал и звал на помощь.

Дублин, 992 год

Гормлат

Глуниарн восседал на троне в дублинских чертогах и попивал вино, откинувшись на спинку из тонких ровных деревянных опор.

Трон у него был так себе. Ему весьма далеко до парижского, принадлежащего Карлу Великому, украшенного шелками и золотом, который я знала по рассказам матери. Впрочем, Глуниарн – король Дублина, а королям не пристало сидеть на обычных стульях, пусть даже его подобие трона и вырезано из того же дерева, что и скамьи, на которых пируют остальные.

По крайней мере, вино он пил из серебряного кубка, а его роскошная мантия и вовсе не знала равных. Норвежские купцы рассказывали Глуниарну, будто она сшита из шкуры такого крупного медведя, что ее даже не пришлось кроить. Заплатить пришлось немало, но Глуниарн охотно расстался с золотом. Его грудь украшал мастерской работы крест из чистого золота, усыпанный драгоценными камнями. Через два года после ссоры Глуниарна с Амлафом из-за крещения короля в реке Лиффи, Глуниарн и сам последовал примеру отца. Разумеется, не из любви к Христу – не настолько он был тупым, – а из пристрастия к торговле. Английские, француз-

ские и испанские владыки не желали вести дела с ирландскими викингами, пока те не присягали на верность их Богу, которого сами чужеземцы называли Иисусом Христом. Чтобы доказать искреннюю приверженность новой религии, Глуниарн и нацепил роскошное украшение, которое мог себе позволить именно благодаря торговле с христианами.

Да, стоило признать: его драгоценности и великолепная одежда производили впечатление. Благодаря им Глуниарн походил на короля, пусть и сидел совсем не по-королевски. Подняв бокал, я одарила его мимолетной улыбкой. Он ответил тем же, и мы смотрели друг другу в глаза чуть дольше, чем позволяли приличия.

Ситрик плюхнулся на скамью рядом со мной. В одной руке он сжимал кружку с элем, а другой держал за талию молоденькую рабыню. Девушка хихикнула, уселась ему на колени и наклонилась вперед, прижимаясь к нему полными грудями.

– Брат знает о твоём набеге, – шепнула я на ухо сыну.

Ситрик покачал головой:

– Нет, не знает. Ты слишком мнительна.

Откусив медового хлеба, я ущипнула рабыню за руку.

– Принеси мне еще вина.

Девушка вспыхнула и вскочила, но вновь ухмыльнулась, заметив, что Ситрик провожает ее жадным взглядом. Я вздохнула.

– Серьезно, Ситрик?

Он пожал плечами:

– Я делаю то, что и пристало мужчинам моего возраста.

– Только не забывай, что вы все это делаете с одной и той же женщиной.

Ситрик закатил глаза, но тем не менее перевел взгляд со смазливой рабыни на золотой обруч, висящий на его запястье. Обруч Амлафа.

Я положила руку на плечо сына:

– Забудь о ней. Сегодня у нас есть дела поважнее.

Ситрик кивнул и посмотрел на королевский стол, за которым сидели Глуниарн, его жена Мор и их дети. Самому старшему мальчику, Гилле, уже исполнилось двенадцать. Ростом и силой он напоминал Ситрика в том же возрасте – правда, Глуниарн нещадно его разбаловал.

В отличие от меня Ситрик неотрывно смотрел только на короля, приходящегося ему сводным братом.

– Эгиль уже говорил с Глуниарном после возвращения? – прошептал он.

– Нет, но он мог отправить королю весточку.

Ситрик промолчал с недовольным видом, и я понимала причину его раздражения. Это я предложила сыну напасть на женский монастырь, а он отнюдь не сразу согласился.

Впрочем, я не собиралась извиняться. Ситрику было необходимо набраться опыта в роли предводителя и понять, кому из воинов можно доверять, а больше всего он нуждался в золоте. За последние месяцы он успел ограбить несколько торговых кораблей. Это было опасно, поскольку обычно их

охраняют опытные воины, но, по крайней мере, в нападениях можно было легко обвинить независимые шайки викингов, рыскающие по побережью в поисках новых рабов.

Набег на монастырь был испытанием совсем иного рода. Многих воинов воротит от мысли о хладнокровном убийстве женщин, но Ситрик не мог позволить себе такой щепетильности. Он обязан был последовать по стопам отца, а уж Амлаф за свою долгую жизнь перебил немало женщин. Он не ведал жалости до конца своих дней и совсем не случайно оставался на дублинском троне, даже когда ему минул восьмой десяток.

Ситрик не знал, что я проследила за ним. Какому сыну захочется, чтобы мать наблюдала, как он обагрят руки кровью? И тем не менее я последовала за ним. Я видела, как Ситрик и его воины пронзали клинками беззащитных монахинь, а после разграбили монастырь и предали его огню.

Именно так мне стало известно, что за нападением наблюдал еще кое-кто – Эгиль, по неизвестной мне причине скрывавшийся в близлежащем лесу. Интересно, Глуниарн надумил его проследить за Ситриком или это обычное совпадение? Так или иначе, сыну грозила серьезная беда. Эгиль – ублюдок Рагналла, погибшего сына Амлафа, он верно служит дяде. Он обязательно расскажет Глуниарну о произошедшем: вопрос в том, как скоро это произойдет. Жаль, что я не успела перемолвиться с Эгилем словечком до того, как его окружила шумная компания приятелей.

– Нет, – наконец произнес Ситрик. – Глуниарн еще ничего не знает.

– Отчего ты так в этом уверен? – полюбопытствовала я. Ситрик был смышленным малым, но и умные мужчины иногда становятся жертвой собственной самоуверенности.

Он провел большим пальцем по золотому обручу.

– Я лучше тебя знаю нрав брата. Знай он о нападении, он бы так не веселился.

Я поджала губы:

– Возможно, ему весело оттого, что он выдал Муире за верховного короля. Все провинциальные короли мечтали, чтобы Шехналл женился на их сестре или дочери. Дела Глуниарна идут в гору. У него хватает поводов радоваться жизни.

Ситрик пожал плечами:

– Глуниарн и верховный король – сводные братья. Мой брат выдал за Шехналла свою единокровную сестру – тоже мне, достижение.

– А разве это не так? – возразила я. – Мать Муире – дочь обычного торговца. Шехналл прекрасно знал, что она из простой семьи, и все равно на ней женился. Даже верховный король не может устоять перед богатством Дублина.

Внимательно посмотрев на брата, Ситрик покачал головой:

– Нет, я с тобой не согласен. Глуниарну по нраву сила и власть, но больше всего он любит ставить на место твоего

сына. Прознай он о нападении на монастырь, он бы сейчас размышлял, как унижить меня посильнее.

Я отхлебнула вина. Еще несколько лет назад у меня не было бы поводов для беспокойства. Руки самого Глуниарна тоже запятнаны кровью монахинь. Но вместе с блестящим золотым крестом на шее король Дублина обзавелся и новыми обязательствами: христианский правитель не может допустить, чтобы рядом с его столицей безнаказанно нападали на монастыри. А раз подвернулся столь удобный повод, устоит ли Глуниарн перед искушением казнить законнорожденного младшего брата, который давно засматривался на его корону?

– Возможно, ты прав, Ситрик. Так или иначе Эгиль видел ваш набег. И если Глуниарн не знает об этом сейчас, то обязательно узнает совсем скоро.

Ситрик побледнел и стукнул кружкой о стол.

– Ну и глупец же я был, что внял твоему совету. Стоило выбрать цель поближе к берегу.

– Я дала здравый совет, поэтому ты ему и внял. Я не виновата, что ты не послал разведчиков осмотреть окрестные холмы.

Сын нахмурился и сжал кулаки так, что побелели костяшки. Его рассудком завладел страх. Я обязана показать Ситрику, что нельзя добиться желанных целей, не отринув его. Поглаживая бокал с вином, я окинула зал взглядом и очень быстро нашла подходящего человека.

– Ситрик, смотри. Видишь Вульфа?

Ситрик послушно отыскал его в толпе.

– Что ты думаешь о том, как он прожил свою жизнь?

– Зачем мне думать о жизни Вульфа?

– Потому что я – твоя мать, и я задала тебе простой вопрос.

Заслышав строгие нотки в моем голосе, Ситрик нехотя повиновался:

– Он беден, но выглядит счастливым.

– Да, он счастлив, – кивнула я. – Он хорошо зарабатывает резьбой луков, кубков и блюд, чтобы на его столе всегда была еда. Жена его любит и уже родила ему пятерых сыновей. Кто-то даже скажет, что Вульфу благоволят боги.

Ситрик неискренне улыбнулся:

– Он достойный мужчина, и я за него рад.

– Я тоже рада. Но, знаешь, ведь и через год он будет сидеть в этом зале или продавать товары на рынке. Его жизнь так и не изменится до самой смерти. Да, Вульф – свободный человек, но он обязан во всем повиноваться Глуниарну. Для истинной свободы необходима власть, а чтобы ее обрести, нужно стать королем.

Ситрик не сводил с меня задумчивого взгляда.

– Чего же ты желаешь, сынок? Либо ты хочешь стать королем Дублина, либо нет. Знай: как только ты выступишь против Глуниарна, дороги назад уже не будет. Если тебе по нраву жизнь Вульфа – пожалуйста, но у тебя есть и другой

путь. Пора выбирать.

– Ты знаешь, чего я хочу, мама, – тихо молвил Ситрик, снова глядя на обруч. – Мне не нужно это повторять.

Я наклонилась и провела пальцем по золотому украшению, которое обрамляло его запястье.

– Перед смертью твой отец настоял, чтобы я передала тебе этот обруч – первый из завоеванных им. Амлаф знал, что тебя ждет великая судьба.

Ситрик покраснел.

– Итак, – продолжила я, поднося кубок к губам, – теперь ты знаешь, что ответить брату, когда он спросит про монастырь.

Не переставая теревить обруч, Ситрик наклонился и положил локти на стол.

– Признать, что это был я?

– Да. Лгать бессмысленно. Лучше воспользоваться случаем и показать дублинским воинам, что ты не боишься брата.

– Если он узнает об этом сегодня, схватки не избежать, – молвил Ситрик, не сводя взгляда с Глуниарна. – Он пьян. Он вызовет меня на бой на главной площади.

– Сумеешь победить?

Ситрик опустил голову и напряг мускулы. Несмотря на юный возраст, он обладал силой быка и умело владел мечом и секирой. Глуниарн тоже был могучим воином, но воинской жизни он предпочитал королевскую, подтверждением чему служил его растущий живот. Я нисколько не сомневалась,

кто возьмет верх.

Однако Ситрик выглядел не столь уверенным.

– Возможно.

– Ты быстрее его и лучше сражаешься. Так говорили твои наставники.

– Да, – кивнул Ситрик, – но на его стороне опыт. И удача.

Мое сердце отчаянно забилося. Быть может, исход схватки и впрямь не был предопределен? Даже Амлаф говорил, что любой воин может пасть, если развернется не в ту сторону или пропустит внезапный удар. И все же Ситрику нельзя и дальше сидеть сложа руки. Он пользовался популярностью у дублинских воинов, и Глуниарн уже это заметил. Лучше честно сразиться на площади, чем получить кинжал в спину.

Я погладила руку сына:

– Как знать: дело может и не дойти до драки. Сначала надо выяснить, что затевает Эгиль. Ступай. Поговори с воинами, пирующими снаружи у костров. Пусть они заметят тебя. Стань их другом.

Дождавшись, когда Ситрик выйдет наружу, я встала и тут же услышала, как воины, собравшиеся возле уличных очагов, приветствуют его громкими возгласами. Они тоже защищали честь Дублина, но оказались недостаточно состоятельными для приглашения на пир в королевских чертогах. Ситрику понадобится их поддержка, если Глуниарн вызовет его на поединок. По меньшей мере они проследят, чтобы бой прошел честно.

Я перевела взгляд на Эгиля, в одиночестве сидящего на скамье возле очага в противоположной части зала. Все его друзья уже ушли. Наверняка мне есть что предложить ему в обмен на молчание. Я пошла к нему, минуя королевский стол. В центре его сидел Глуниарн, по правую руку от него – его жена Мор. Завидев меня, они улыбнулись. Я промолчала, хотя по лицу Глуниарна заметила, что он хочет поговорить.

– Эгиль. Не правда ли, дивный вечер? – произнесла я, подойдя поближе к его скамье.

Эгиль, краснолицый и изрядно подвыпивший, сплюнул на пол.

– А я ждал, что ты придешь.

– Правда? – Я широко распахнула глаза, хихикнула и села рядом. – Надеюсь, хочешь поделиться со мной чем-нибудь интересным?

Он нахмурился, и я заметила, как дрожит его челюсть.

– Я... пытался спасти... – Он сбился на неразборчивое бормотание и с размаху опустил руки на скамью.

Злоба в его голосе застала меня врасплох. Переживать из-за убийства христиан совсем не в духе Эгиля. Я прекрасно помнила, как он с молодых лет отправлялся в набеги с Амлафом. Как хохотал, когда король убивал епископа Глендалоха.

Наклонившись, я взяла его за руку:

– В чем же дело, Эгиль?

– Ситрик напал на женский монастырь в Ласке. Его воины перебили всех монахинь. Всех до единой. – Его кулак обру-

шился на стол, опрокидывая кружку. – Зачем?!

На шум обернулись несколько гостей, но я как ни в чем не бывало жестом подозвала одну из рабынь и приказала убрать пролитый эль, а сама принялась стирать пятна с туники Эгиля. Ну посмотрите, как набрался. Любопытные взгляды скоро сошли на нет.

– С чего это ты вдруг печешься об убитых монашках? – тихо спросила я. – Все же знают, что там живут одни лысые старухи со зловонными ртами.

В глазах Эгиля стояли слезы.

– Все, кроме одной.

Он завалился вперед и едва успел подпереть голову рукой, чтобы не удариться лицом о стол.

– Ты знал кого-то из монахинь? – Я порылась в памяти. Иногда в монастырь отправляли девушек, рожденных в смешанных браках. Ирландские родители отчего-то считали, что христианский Бог охотнее прислушается к молитвам, если одна из их дочерей навсегда останется девственницей. Впрочем, до сего дня я не знала, что Эгиль положил глаз на кого-то из них.

– Такая добрая... такая красивая... Не то что другие монашки. – Кое-как выпрямившись, Эгиль посмотрел мне в глаза. – Ситрик не имел на это права. Глуниарн запретил нападать на христианские святилища. Я думал, ей ничто не угрожает.

Нахмурившись, я подлила эля в его кружку.

– Ты уж прости, Эгиль, но эта твоя влюбленность какая-то странная. Что за жизнь такая? Внуку короля не пристало тайком соблазнять монашек, когда он может заполучить любую женщину.

– Она мне так и сказала. – Эгиль снова спрятал лицо в ладонях. – Три месяца назад велела больше не приходить. Найти другую женщину. А я не смог. Думал только о ней. Вчера я пришел в монастырь, чтобы предложить ей выйти за меня, и увидел, как воины Ситрика убивают...

Эгиль глотнул эля, его лицо вновь исказилось пьяным отчаянием. Я терпеливо выслушивала сдавленные рыдания, прерываемые икотой, пока он не успокоился.

– Я так сочувствую твоей утрате, Эгиль, – прошептала я ему на ухо. – Но прошу, не говори об этом Глуниарну. Ему хватит малейшего повода, чтобы убить моего сына. А ведь Ситрик просто хотел пойти по стопам отца. Амлаф никогда не брал его с собой в походы, в отличие от тебя.

Эгиль утер очередную слезу, но я все еще не понимала, сумела ли его убедить.

– Чего же ты хочешь, Эгиль? – Я проникновенно взглянула ему в глаза. – У меня сердце разрывается, когда тебе плохо. Знаешь, ты ведь всегда напоминал мне об Амлафе. Ты так на него похож.

Эгиль одним глотком осушил кружку и вытер подбородок рукавом.

– Жену. Семью. Уважение. Любовь. Я уж думал, что на-

шел все это...

Схватив его за руку, я прижалась к нему теснее.

– Все это легко найти снова, Эгиль. Не нужно тайком шастать по монастырям, чтобы найти себе женщину. Многие девушки Дублина мечтают оказаться в твоей постели. – Я указала на рыжеволосую рабыню Ситрика, собирающую со стола пустые тарелки, пусть я прекрасно понимала, что услышу в ответ.

– Рабыня? – презрительно фыркнул Эгиль, с силой опуская кулак на стол. – Я внук короля и заслуживаю большего! Но Глуниарн не желает подыскать мне достойную пару.

– Потому что он боится тебя.

Эгиль хлебнул еще эля, и его тяжелые веки чуть поднялись.

– Конечно боится, – продолжала я. – Ты ведь так похож на отца. Глуниарн не хочет, чтобы воины увидели в тебе настоящего лидера, но это ведь легко изменить, не правда ли?

Я налила в его кружку вина из кувшина, стоящего в центре стола: оно куда крепче эля, который он хлестал весь вечер. Потом подняла повыше собственный кубок.

– Да обретем мы то, чего достойны.

Подперев голову рукой, Эгиль залпом осушил кружку. Я села рядом и немного подождала: вскоре он обмяк и уткнулся лицом в стол.

Настала пора уходить. Утром я собиралась вернуться и разбудить Эгиля. Пригласить его отдохнуть в моем доме, ко-

торый совсем неподалеку... А уж там убедить его будет совсем не сложно. Я удостоверилась, что мой уход с пира заметили все, даже помахала на прощанье дальним родственницам Амлафа, и отправилась восвояси.

В моей жалкой лачуге стоял холод. Закрыв дверь, я сразу же закуталась в меха (большую часть которых вскоре после смерти Амлафа прибрала к рукам жена Глуниарна) и провела рукой над очагом, в котором уже лежала растопка. Из пальцев вырвался волшебный огонь, и хворост вспыхнул. Я не нуждалась в его тепле, поскольку никогда не чувствовала холода. Мать говорила, что виной тому горячая фоморская кровь, текущая в наших венах. Дождь и ветер раздражали меня не меньше, чем смертных, но не заставляли дрожать осиновым листом с наступлением зимы. А вот пламя... О, я любила, когда оно почти целовало мою кожу. Улыбнувшись, я села на кровать и зажгла свечу.

Танец огня отогнал прочь усталость, я замороженно глядела, как всполохи пламени и дым порождают причудливые

образы. Дав свече догореть до середины, я вновь поднялась и открыла дверь.

Веселье в чертогах затихло, на смену ему пришли возгласы воинов, толпящихся вокруг очагов. Я часто слышала голос Ситрика. Кто-то решил устроить борцовское состязание. Такие турниры всегда пользовались популярностью, и, судя по крикам, на исход поединков сегодня ставили немало золота.

Я вышла из дома на цыпочках, обернув вокруг головы платок, и заглянула в открытые нараспашку двери королевских чертогов. Мне показалось, что зал опустел: я смогла разглядеть лишь очертания Эгиля, по-прежнему спавшего лицом в стол. Я подкралась поближе, прячась от непрошенных взглядов за соседними домами. Когда у костров закончилась очередная схватка, воины вознаградили победителя громкими воплями, и я воспользовалась случаем, чтобы выскользнуть из теней и взбежать по ступеням.

Очаг в центре зала почти угас: в столь поздний час чертоги освещались лишь свечами на стенах. Как я и рассчитывала, внутри остался только Эгиль, громко храпящий за столом. Решив, что пригласить его к себе лучше без свидетелей, я затворила двери. Не хватало еще, чтобы ему предложил ночлег кто-то другой.

– А, Гормлат, – промурлыкал знакомый низкий голос. – Я все думал, заглянешь ли ты к нам.

В дальнем конце зала показался Глуниарн, который вы-

шел из коридора, ведущего к покоям. Проклятие. И чего ему не спалось? Неужели он узнал?

Дразня меня широкой ухмылкой, Глуниарн неспешно двинулся к трону.

– Правда? – спросила я, подходя поближе. – Даже интересно почему.

Он прижал палец к моим губам:

– Я рад, что ты здесь, но ты ни за что не угадаешь почему.

– Как интригующе.

Усевшись рядом с ним, я налила себе кружку вина. Другую предложила Глуниарну, но он отказался. Я молча указала на баранью ногу, оставшуюся на столе, и Глуниарн кивнул в ответ. Взяв лежавший рядом острый нож, я отделила от кости кусок мяса.

– Тебе пора снова выйти замуж, – сказал он.

Отрезав лакомый кусок, я пронзила его острием ножа и положила в рот Глуниарна. Ручеек розового сока стек из уголков его губ прямо в бороду.

Я не ожидала, что он снова заговорит об этом. Много лет назад Глуниарн уже предлагал мне выйти за него, но тогда он напился и наутро напрочь забыл сказанное, а я не собиралась напоминать. Что же ответить сейчас? Возможно, не помешало бы держать его под каблуком, пока Ситрик не наберется опыта.

Глуниарн проглотил кусок мяса:

– Торна, дядя короля Улада, попросил твоей руки, и я со-

гласился.

Выйти замуж за чужака? Я с трудом сдержала крик. Нельзя показать Глуниарну, насколько я задета – к тому же, может, он просто дразнит меня.

– Ну нет, я не могу выйти за Торну из Улада. Я стану слишком скучать по Ситрику.

– Ситрик уже взрослый мужчина. Ему нужна жена, а не мать.

Я ухмыльнулась и вскинула брови:

– Значит, ты уже и моему сыну пару подобрал? И кого же он осчастливит?

– Сигрид, дочь Видара.

– Видара... Торговца мехом?

Глуниарн кивнул:

– Достойная пара.

Это было настолько откровенной ложью, что я поразилась, как Глуниарн умудрился не рассмеяться. Видар – скверный купец, владеющий одним-единственным кораблем со стареющей командой. Значит, он все знал. Знал, что натворил Ситрик, и хотел сначала избавиться от меня, а потом убить моего сына.

Я отрезала еще кусок мяса. Вновь проткнув его острием ножа, на этот раз я отправила его себе в рот. Пока я жевала и глотала, с лица Глуниарна не сходила улыбка.

– А как же ты сам? – спросила я. – Поверить не могу, что ты так легко меня отпустишь.

Король расхохотался:

– Ты красивая женщина, Гормлат. С тобой хорошо, но сейчас мне нужны новые союзники, чтобы отвадить короля Манстера от набегов на наши земли. Торна должен прибыть в Дублин завтра, а на следующий день сыграем вашу свадьбу.

Резкий тон Глуниарна подтвердил серьезность его намерений. Ублюдок. Он желал разлучить меня с сыном. Без моей защиты Ситрик погибнет еще до конца года, и я не собиралась этого допустить.

– Скажи, а этот Торна богат? – приторно спросила я, а затем отрезала еще кусок мяса и с ножа скормила его Глуниарну. – Твой отец приучил меня к роскоши: вдруг он не сможет дать мне то, в чем я нуждаюсь? Бедность мне не к лицу.

Рассмеявшись, Глуниарн принялся жевать мясо.

– Как же ты меня забавляешь, Гормлат. Вот почему ты мне так нравишься – ты столь же алчная, что и я.

Положив нож на стол, я скользнула губами по его шее.

– О нет. До моей алчности тебе далеко.

Он положил правую руку на мою икру и медленно повел ее выше, к бедру. Когда его пальцы скользнули по волосам у меня между ног, снаружи послышались громкие возгласы. Воины жаждали поскорее увидеть следующую схватку. «Ситрик!» – кричали они, призывая на площадь моего сына.

Приласкав шею Глуниарна, я нашла губами его рот и страстно поцеловала. Он протянул свободную руку, чтобы снять платок с моей шеи и развязать сарафан. Я отпихнула

ее и положила на другое бедро, а платок развязала сама.

Поняв, что я задумала, он кивнул и молча наблюдал, как я раздеваюсь. Я слезла со стула и уселась на короля верхом, обвивая его ногами. Когда наши губы встретились вновь, Глуниарн прикрыл глаза.

Я набрала в грудь воздуха и скомкала платок в левой руке, а правой незаметно обхватила нож, которым резала мясо.

В предвкушении наслаждения Глуниарн тяжело дышал, не поднимая век.

Одним резким движением я всадила клинок ему в шею. Затем проткнула глаз. Потом – горло. Заткнув ему рот платком, я колола ножом снова и снова. Прижавшись к Глуниарну всем телом, я заглушила его предсмертные вопли плотной шерстяной тканью, и вскоре в чертогах воцарилась абсолютная тишина.

– Что ты натворила?

Я развернулась. Ко мне ковылял Эгиль, при виде окровавленного трупа своего дяди выпучивший заспанные глаза.

– Ах ты, подлая сука.

Он захромал к дверям, путаясь в ногах. Я выбросила руку вперед. Угасший было очаг внезапно ярко полыхнул, ожившие угли выплюнули огненную стрелу, которая вонзилась Эгилю прямо в лицо. Он беспомощно рухнул на четвереньки.

Выватив из ножен меч Глуниарна, я подбежала поближе и всадила его в бок Эгиля, направляя клинок вверх. Когда

он рухнул на пол, кровь полилась не только из раны, но и изо рта. Эгиль лишился жизни прежде, чем успел что-либо осознать.

– Прости, Эгиль, – прошептала я и дрожащей рукой вложила окровавленный нож для мяса в его ладонь. – Но если чего-то хочешь, нужно брать это как можно скорее, пока тебя не опередил кто-то другой.

Его тело обмякло, словно парус во время штиля. К счастью, нож остался в его ладони. В Вальхалле его наверняка встретит отец, ведь Амлаф всегда любил ублюдков Рагналла, а Эгиля – больше прочих.

Шагнув назад, я прижала руку к груди. Что же я натворила? И король, и бастард его брата мертвы. Зато я спасла сына.

– Папа? – позвал сонный голос из покоев, расположенных возле большого зала.

Я окинула мертвецов быстрым взглядом. Да... Они поссорились после пира... Обозленный, завистливый Эгиль... Опрометчивый, вспылчивый Глуниарн. Никто не видел, как обстояло дело на самом деле, а Ситрик уже несколько часов сражался на площади. Даже последний глупец не заподозрит его.

Я швырнула окровавленные платок и сарафан в камин, дождалась, когда до них доберутся языки пламени, а затем поплотнее закуталась в плащ и помчалась к дверям, ведущим наружу.

– Папа! – На сей раз детский голос прозвучал куда громче.

Выскользнув на улицу, я услышала очередной торжественный возглас. Воины повторяли имя Ситрика: значит, мой сын взял верх в поединке. Теперь его жизнь принадлежит только ему. Больше можно не ждать коварных ударов в спину.

Улыбнувшись, я спустилась по ступеням и тайком добралась до дома.

Остров Феннит, 992 год

Фоула

Я сидела на подоконнике в своих покоях, прислонившись спиной к каменному проему и глядя наружу из крепости Потомков. Вид настолько захватывал дух, что не беспокоил даже холод. Волны разбивались о скалы и внешние стены крепости, наполняя воздух белой пеной и брызгами. Я бы охотно провела так целый день. Есть что-то невероятно притягательное в том, как постепенно исчезает под водой во время прилива песчаная полоска суши, связывающая остров Феннит с Ирландией. Очень скоро поднимающаяся вода затопит ее, и единственный сухопутный путь с нашего острова исчезнет на три часа.

Когда отмель скрывалась под волнами, Томас казался счастливее всего. Он утверждал, что так он чувствует себя в безопасности: никаких людей, никакой угрозы вторжения. Той ночью я понимала его лучше, чем за все восемьдесят лет, проведенных с ним вместе. «Чего же ты боишься?» – гадала я раньше. Чтобы отвадить смертных, друиды зачаровали нашу крепость, и непосвященные видели на ее месте крохотный полуразрушенный монастырь. Даже в маловероятном случае нападения нашим друидам и ведьмам хватило бы сил одолеть захватчиков. И тем не менее из головы никак

не шли образы мертвых монахинь у подножия алтаря.

Хватит, Фоула. Довольно мрачных дум.

Соскочив с подоконника, я прислушалась к звукам, доносящимся из коридора: приглушенные разговоры и добродушный смех. До принятия Нового соглашения все было совсем иначе: в каждом зале и коридоре гремели веселые крики и возгласы. В те годы Потомки обитали во всех уголках Ирландии и даже за ее пределами, поэтому ежегодное собрание превращалось в большой праздник – встречу старых друзей, вернувшихся домой, чтобы поделиться новыми историями. Ныне же мы покидали крепость лишь для того, чтобы следить за смертными из монастырей, и даже на эти задания Томас посылал очень немногих.

Я гадала, заметил ли кто-то из моих сородичей живот Роунат, когда мы утром прибыли в крепость. Ее беременности суждено стать первым испытанием Нового соглашения. Моя сестра первая нарушила новые законы. Возможно, остальные Потомки сейчас обсуждали Роунат и гадали, что она скажет на завтрашнем собрании. Всем известно, что в такие моменты важно иметь друзей, но сколько их у моей сестры? Этого я не знала наверняка. До принятия Нового соглашения Потомки нередко оказывались на разных сторонах в войнах смертных. Пусть это и казалось делом давно минувших дней, многие по-прежнему таили обиды.

Решив, что настало время показаться на глаза остальным, я выскользнула из спальни, стараясь не потревожить спящую

сестру. Роунат так утомило трехдневное путешествие, не говоря уже про растущего внутри нее ребенка, что она закрыла глаза, едва ее голова коснулась подушки. А вот я никак не могла позволить усталости взять верх. Слишком много всего предстояло успеть перед завтрашним собранием Совета.

Как я и ожидала, в тронном зале яблоку было негде упасть. В углу стояли бочки с вином, помеченные гербом Ивара из Уотерфорда. Вероятно, алкоголь помогал Потомкам выслушивать давно знакомые истории по сотому кругу: в наших жизнях не происходило ничего нового.

– Добрый вечер, Фоула.

С улыбкой помахав рукой, ко мне подошла Гобнет, разодетая в зеленые шелка. Она протянула мне серебряный кубок, мгновенно наполнившийся красным вином.

– И тебе. – Улыбнувшись в ответ, я потрясла кубок. Красная жидкость в сосуде переливалась, словно кровь. – Лег снова зачаровала бокалы?

– Верно, – рассмеялась Гобнет. – С одной стороны, верховной виночерпице не пристало растрачивать свой дар попусту, а с другой – до чего же забавно, правда?

Я снова взглянула на вино. Когда Потомки еще участвовали в войнах смертных, Лег использовала дар, чтобы осушать реки на пути наступающего противника. Однажды я наткнулась на войско, пострадавшее от ее чар. Заблудившиеся в лесной чаще солдаты бессильно рыдали и дрожали в траве, умирая от жажды.

Гобнет сделала глоток и облизнулась.

– Кажется, Ивар говорил, что это миланское вино. Если оно покажется тебе слишком сладким, можешь попробовать эль.

– Нет, меня устраивает.

Пока я пробовала напиток, Гобнет подошла ближе. Этим вечером она выглядела неотразимо. Шелковое платье плотно облегалo бедра и грудь, и на нее украдкой заглядывались остальные гости. Интересно, они догадывались, что груди Гобнет казались полнее благодаря иллюзии? Чары были столь искусными, что их, возможно, никто и не замечал. А возможно, никто и не хотел замечать.

Какой же странной стала наша жизнь с тех пор, как мы приняли Новое соглашение и отделились от смертных. Когда-то Лег использовала дар, чтобы осушать и наполнять реки и озера, а теперь лишь забавлялась с винными кубками. Когда-то Гобнет применяла колдовские таланты, чтобы изменять внешность и обманывать врагов, а сейчас просто тешила свое самолюбие.

Отпив еще вина, я поняла, что молчание затянулось, и Гобнет ждет, когда я заговорю.

– Не случилось ли чего, пока меня не было?

– Отнюдь. – Она повернулась ко мне. – Пока вы с Роунат не прибыли в крепость сегодня утром, у нас не происходило ровным счетом ничего необычного. Похоже, ей... нездоровилось.

– Да, утром, – сказала я, пригубив вино. – Но сейчас ей куда лучше.

Гобнет наклонила голову, улыбка исчезла с ее губ.

– Знаешь, как верховная ведьма, я имею право знать правду о здоровье моей сестры по дару, но понимаю, что ты хочешь сначала обсудить это с Томасом. – Она указала на окно в дальней стене зала, через которое виднелся далекий мрачный силуэт высокой постройки. – Он все еще у себя в башне. Сделай одолжение: когда расскажешь про Роунат, убеди его спуститься и повеселиться с нами. Он торчит там уже несколько дней. Ему будет полезно развеяться.

Я согласилась и направилась к выходу, останавливаясь, лишь чтобы поприветствовать знакомых. Многие Потомки, как и сама Гобнет, явно догадывались, куда я пошла. О неожиданном возвращении Роунат наверняка уже знала вся крепость.

Холодный вечерний воздух щипал меня за пальцы, но после душного зала его прикосновения оказались приятны. Я побежала по тропинке к высокой круглой башне в дальней части крепости.

Томас работал в маленькой библиотеке на самом верху башни в сто футов высотой. Добраться до нее можно было лишь по длинной навесной лестнице на последнем этаже. Путь вверх крайне утомлял, но в такой предосторожности был толк – по крайней мере, несколько сотен лет назад, когда фоморы еще не умерли и желали навсегда уничтожить нас и

присвоить наши знания. Теперь, когда последний враг исчез с лица земли, мы могли бы перенести книги и свитки обратно в крепость, но Томас отказался. На самом деле ему просто нравилось жить на самом верху башни, вдали от остальных Потомков. Библиотека стала его убежищем.

Я преодолела последнюю ступеньку и выбралась на каменный пол, под тени деревянных полок. В комнате невыносимо пахло пылью. Ворон Томаса, Шенна, нахохлившись, сидел на одной из полок. К счастью, он дремал, прикрыв желтые глаза-бусины.

– Почему ты опоздала?

Я поднялась на ноги и расправила платье, стараясь не обращать внимания на то, как сжались мои внутренности. Томас, сидевший за письменным столом неподалеку от люка, окинул меня усталым взглядом.

– Я ждал тебя еще два дня назад. А когда ты наконец явилась, то привезла с собой Роунат, которая не получала разрешения покинуть монастырь.

– Я успела на собрание, – ответила я, стараясь сохранять спокойствие. – Разве этого недостаточно?

Томас резко захлопнул книгу:

– Сейчас не время для остроумия. Ты ма... была матерью моего единственного ребенка. И сама прекрасно знаешь, что небезразлична мне. Когда ты опоздала, я волновался.

Он ни разу не говорил со мной об Ифе с тех пор, как она умерла в прошлом году, и я поморщилась, внезапно услышав

ее имя. Мне вдруг стало стыдно за столь дерзкие слова, и я ответила Томасу уже не так резко:

– Я знаю, что небезразлична тебе. Ты мне тоже. Прости. Дальняя дорога меня утомила.

Устало глядя в ответ, Томас слабо улыбнулся и прижал указательный палец к переносице.

– Ты слишком долго читал при свечах. – Подойдя к письменному столу, я зажгла еще две свечи, чтобы разогнать тьму. – Пора отдохнуть. Гобнет говорит, что ты слишком много работаешь.

– Это так.

Томас нежно коснулся моей руки, словно говоря: «Я все прощаю». Я присела на свободный стул, стоящий поблизости.

– Я опоздала, потому что искала Роунат.

Улыбка мгновенно исчезла с его лица.

– И как она? Твоя сестра редко мне писала.

Он справлялся о здоровье Роунат, а в голосе сквозило презрение, и причина неприязни заключалась не в количестве полученных писем.

– На монастырь напали. Когда я добралась до Ласка, воины уже перебили всех монахинь. Я чудом успела спасти сестру.

– Что? – побледнел Томас. – Где она?

– Спит в моих покоях.

Он кивнул и почесал густую щетину на шее. В его тем-

но-зеленых глазах отражались свечи, и черты лица казались резче. Томас был столь же красив, что и раньше: словно ангелы, которых монахи изображали в священных книгах. Я отвела взгляд и уставилась на свои руки, но смотреть на них оказалось не легче. Ногти потрескались, на коже чернели сажа и грязь. Я поспешно натянула рукава платья до самых кончиков пальцев.

– Знает ли Роунат, кто именно напал на монастырь? – спросил Томас.

– Сестра утверждает, что дублинские викинги. Набег возглавлял Ситрик Шелкобородый, сводный брат короля Глуниарна.

Томас подобрал со стола обрывок пергамента:

– Сегодня утром Шенна принес мне вести от Эхны.

– В каком он сейчас монастыре? В Доунах Мор?

Томас кивнул:

– Эхна проведал, что Глуниарн – уже не король Дублина. Якобы две ночи назад он погиб в пьяной потасовке. В убийстве обвиняют его племянника-бастарда Эгиля.

Я взглянула на свиток. Эгиль? Это же отец ребенка Роунат. Ну и дела. Читать послание Эхны было непросто: он подробно описывал перерезанные глотки, обгоревшие лица, клинки и кишки, разбросанные по полу королевских чертогов. Удивительно, но я до сих пор не привыкла к такому.

– Значит, Роунат права, и нападение на монастырь – часть заговора по свержению короля.

– А Роунат теперь куда лучше строит умозаключения, – проворчал Томас, забирая пергамент. – Вот и славно. Я-то боялся, что из нее никудышный соглядатай. – Он постучал пальцами по обложке книги. – Она утверждает, что это сделал Ситрик Шелкобородый?

– Да.

– Но почему она так в этом уверена? Не припомню, чтобы он раньше посещал Ласк – хотя я уже упоминал, что Роунат писала мне слишком редко.

Я задержала дыхание и вновь опустила взгляд. Существовал лишь один способ объяснить, откуда Роунат знала дублинских викингов, – рассказать правду. К тому же мы с сестрой договорились, что Томасу о ее положении сообщу я.

– Она беременна от смертного дублинца. Вот почему она узнала Ситрика.

Повисшее молчание причиняло мне боль, но я позволила Томасу обдумать услышанное, прежде чем снова подняла взгляд. Оказалось, он уже уселся поудобнее и читал книгу, словно ничего не произошло. Я глазам своим не поверила. Я-то готовилась к негодующим воплям.

– Ты не злишься?

– Мне не на что злиться. Завтра Роунат предстанет на собрании Совета, и мы решим, как с ней поступить.

– Пожалуйста, не будь с ней слишком строг.

Томас вскинул бровь:

– Я стану судить ее не мягче и не строже, чем любого

другого Потомка. Теперь Совет обязан действовать только так. Никакого кумовства, никаких поблажек для приятелей. Утверждая Новое соглашение, мы договорились соблюдать эти принципы.

– Я знаю. – Я подседа поближе. – Но Роунат не желала обрести могущество и не занимала ничью сторону. Она просто нашла смертного любовника. Разве это так плохо?

Томас пристально глядел на меня, и в прищуренных изумрудных глазах читалось не то недоумение, не то разочарование. Он протянул было пальцы, чтобы погладить мою шею, – прямо как раньше. Когда-то давно я страстно любила его, теряя разум. Мы не разлучались, и он дал мне все, что я могла пожелать, в том числе и величайшее из сокровищ – нашу дочь. Но Томас всегда недолюбливал Роунат, особенно после одного *происшествия* с ней и Ифой. Воспоминание о дочери омрачило мои мысли, пронзив их острым кинжалом.

– Наши предки, Туата Де Дананн, любили смертных, – произнес Томас. – Когда их корабли пристали к ирландским берегам, они встретили смертных и стали делить с ними ложе. Мы обязаны этим союзам жизнью, ведь мы – их плоды. Но наши предки быстро осознали, что смертные уступают нам во всех отношениях. Мы тоже обязаны это понять.

– Я знаю историю не хуже тебя, Томас. И еще я знаю, что браки между Туата Де Дананн и смертными продолжались долгие тысячелетия.

– Теперь они в прошлом. – Томас нахмурился и отстра-

нился. Мое возражение явно его задело. – Шестьдесят лет назад мы единогласно приняли новые законы и договорились, что их нарушителей будут ждать серьезные последствия.

Я почувствовала во рту омерзительный привкус. Да, мы договорились о том, что последствия будут, но никто так и не решил, какое же наказание ждет нарушителей. Вдруг они посмеют изгнать Роунат? Я не смогу с этим смириться. Надо убедить Томаса, что законы запрещают оказывать влияние на смертных и сражаться в их войнах, а моя сестра не совершила ни того, ни другого.

– Томас, послушай же. Ифа не унаследовала наших даров. Уж не знаю почему, но по ее венам не текла волшебная кровь, а это значит, что... она родилась смертной. Полностью отгородившись от них, мы словно скажем себе: «Наша дочь была недостаточно хороша». Но ведь это не так.

Едва заметно кивнув, Томас погладил большим пальцем закругленный край стола.

– Некоторые считают, что мужчины чувствуют меньше, чем женщины, но они ошибаются. Я любил Ифу. Отчаяние поглощало меня с каждой новой морщиной на ее лице, с каждым седым волосом. Дети не должны стареть и увядать быстрее родителей.

В его глазах стояли слезы – и в моих тоже. Я обмотала рукав платья вокруг пальцев и теребила ткань, пока не заболела кожа.

– Ифа могла умереть, даже если бы она унаследовала дар. Она могла бы погибнуть в междоусобице или пасть от клинка смертного. И даже защиты мы ее от всех бед, нам даровано долголетие, а не бессмертие.

Томас презрительно фыркнул, а его щеки побагровели.

– Живи она здесь, со мной, она была бы в безопасности.

– Нельзя вечно держать все, что любишь, за закрытой дверью.

Томас промолчал – только горько и шумно вздохнул. Затем он встал, схватил с полки другую книгу и раскрыл ее на столе, да с такой силой, что разбудил Шенну. Черный ворон распахнул глаза и тотчас прищурился, завидев меня.

– Взгляни, – тихо попросил Томас.

Я посмотрела на белый лист пергамента, который наши предки украсили цветными чернилами. Томас поочередно указал на каждую иллюстрацию:

– Ведьма Бирог, пророчица Морриган, друид Мананнан, целитель Дианкехт, воитель Огма, арфист Аван, виночерпица Дану... и Луг. – Назвав последнее имя, он немного помолчал. – Величайший из наших предков. Единственный из рода Туата Де Дананн, кому посчастливилось владеть всеми дарами сразу.

Я терпеливо слушала Томаса, но понимала: если его не остановить, это продлится вечно.

– Я прекрасно знаю наших предков, Томас.

– Но что еще здесь изображено?

Я взгляделась в рисунок и заметила четыре предмета, спрятанные художником среди изящных завитков на полях. Серый камень, железный котел, меч и копьё.

– Четыре сокровища Туата Де Дананн.

Томас кивнул.

– Пятьсот лет назад их разделили. Нам противостояли потомки фоморов, и мой дед решил, что артефакты не стоит хранить в одном месте. Мы не могли допустить, чтобы ими завладели враги. Дед боялся даже представить, какую силу они обретут, заполучив бьющее без промаха копьё или камень, дарующий бессмертие.

– Думаю, он не ошибался.

– Да, но теперь фоморам пришел конец. Я собственными глазами наблюдал, как Рауль Нормандский испустил дух. Этот трус предпочел проглотить яд, лишь бы не сражаться со мной. – Томас погладил пальцами пергамент. – Возможно, сейчас пришла пора воссоединить наши реликвии.

– Зачем?

– Разве ты не понимаешь? – Внезапно его глаза загорелись, а на щеках проступил румянец. – С тех пор как мы разделили сокровища, наши дары становятся все слабее. Уже долгие столетия в союзах между Потомками и смертными рождаются только смертные дети. У двух Потомков прежде рождались только Потомки, но теперь все изменилось. Если мы соберем артефакты в одном месте, этому придет конец. – Томас глубоко вздохнул. – Если бы Ифа унаследовала дар,

она все еще оставалась бы с нами.

Я отвернулась, не в силах и дальше смотреть ему в глаза: они слишком напоминали глаза нашей дочери. Можно сколько угодно мечтать, чтобы все сложилось иначе, но прошлое по-прежнему лежало на наших сердцах тяжелым грузом. Стиснув зубы, я откинулась на спинку стула.

– Я любила Ифу такой, какой она родилась.

Томас закрыл книгу и подсел ближе.

– Помоги мне воссоединить дары. Хватит прятаться. Мы еще молоды. Если захотим, у нас родятся другие дети – дети, которые продолжают наш род.

Его длинные пальцы обвили мои, и я почувствовала их силу и жар. Когда он дотрагивался до моей кожи, я понимала, что его любовь ко мне не исчезла. Но куда же делась моя? Она накатывала волнами, словно морской прилив. Иногда захватывала меня с головой, а иногда от нее хотелось бежать. Горе – убийца чувства. В этот момент мне было нечего дать Томасу.

– Мне нравится жить среди гор, – еле слышно прошептала я. – Я еще не готова вернуться в крепость.

Томас обхватил мою ладонь еще крепче:

– Нельзя вечно оставаться отшельницей. К тому же это опасно.

– Волки защищают меня от смертных.

– Твой дом здесь, Фоула. – Он сжал мою ладонь с такой силой, что мне пришлось посмотреть в его глаза. – Отец при-

вел тебя к нам, когда тебе исполнилось двадцать, а теперь тебе сто пять лет. Я не единственный, кто тебя ценит. Однажды ты можешь даже стать верховной целительницей. Ты должна постараться оставить горе в прошлом.

Мне было нечего ему предложить, кроме молчания. Оно тянулось, пока Томас не отпустил мою руку и не похлопал меня по плечу.

– Я устал. Думаю, тебе пора.

Меня придавило невыносимой тяжестью – незримой, неподъемной. Со мной нередко случалось такое, но, как правило, в моменты одиночества. Ощущение зародилось в груди и распространилось по всему телу: не резкий разрыв или порез, а неспешное отслоение легких от ребер, которое становилось все более болезненным с каждым новым вдохом. Тело невероятно потяжелело, даже язык. Мне нужно уйти отсюда.

– Доброй ночи, Томас. – Я устремилась к лестнице.

– Я сделаю для Роунат все, что смогу.

– Спасибо.

Я свесила ноги в люк и начала спускаться, больше не глядя на Томаса. Я не хотела, чтобы он заметил слезы, струящиеся по моим щекам.

Когда я вернулась в крепость, из окон доносились громкие голоса. Собрание было в самом разгаре, но с меня было довольно разговоров на сегодня. Я скользнула внутрь через боковую дверь и сумела добраться до своих покоев, не по-

павшись никому на глаза.

Раздевшись и надев ночную рубашку, я легла в постель рядом с Роунат. Сестра развернулась и обвила меня руками, прижимаясь ко мне тяжелым животом.

– Не грусти, Фоула, – прошептала она.

– Если бы я могла, – прошептала я в ответ. – Скорбь пожирает меня изнутри. Я не знаю, как ее побороть.

– Это нормально. Ты тоскуешь по Ифе, как и мы все.

– И ты тоже? – всхлипнула я. – Тогда зачем ты так с собой поступила? Как могла взять в любовники смертного и зачать от него ребенка, который однажды разобьет твое сердце? Тебе придется смотреть, как он умирает: так же, как я смотрела на Ифу. Под конец она даже не узнавала меня.

Роунат стиснула меня сильнее, и я прижалась щекой к ее плечу. Мы обе молчали. Не существовало ни слов, способных передать глубину моего отчаяния, ни слов, способных принести утешение. Я лишь надеялась, что меня скоро сморит сон.

Вскоре дыхание Роунат выровнялось, став спокойным и медленным. Я почувствовала, как живот сестры упирается в мою ногу, и осторожно погладила пупок. Новая жизнь шевелилась у нее под кожей: сначала локоток, потом коленочка. Я закрыла глаза и применила дар. Ребенок самозабвенно и счастливо перекатывался в утробе. Точь-в-точь как Ифа, когда я ее вынашивала. Я так часто прикасалась к дочери с помощью дара, что Томасу приходилось напоминать мне о еде.

Вздохнув, я убрала руку с живота сестры.

Я поняла, что не засну с таким беспорядком в голове. На цыпочках прокравшись к сумке, я вынула снотворное, которое Томас сварил для меня в прошлом году, и одним глотком осушила сосуд с синей жидкостью. Комната поплыла перед глазами, а рой мыслей в голове утих. Я воспринимала уже не чувства, а лишь звуки.

Дыхание двух женщин, биение трех сердец и ветер.

Дублин, 992 год

Гормлат

Ситрик стоял за главным столом королевских чертогов.

Это я сказала сыну, что люди должны чаще видеть его на почетном месте, понадеявшись, что у него хватит ума не улыбаться приятелям. Время открытых притязаний на королевский трон Дублина еще не настало. Сначала Ситрику нужно завоевать поддержку народа.

Ситрик приковал немало взглядов, но внимание принадлежало не ему одному. За королевским столом также стояли Харальд и Дугалл, два старших сына Амлафа, а еще Ивар из Уотерфорда, приехавший на похороны Глуниарна. Прибывшие с ним воины – целая сотня – терпеливо замерли в дальнем конце зала и ожидали начала собрания вместе со всеми. Ивар не имел прав на дублинский трон, но правители не приводили в чужой город такую дружину, только чтобы пролить слезу над погребальным костром. Впрочем, пока он тоже выжидал. Трон пустовал. Никто не осмеливался его занять – по крайней мере, до похоронной церемонии, посвященной усопшему королю.

Оставаясь в задних рядах толпы, я улавливала все слухи и перешептывания, доносившиеся с передних. Впрочем, с тех пор как после пира обнаружили тела Глуниарна и Эгиля,

ничего не изменилось. Великий правитель, умерщвленный завистливым племянником-ублюдком. Да прольются слезы богов.

Наконец двери зала закрылись, и разговоры стихли.

Жена Глуниарна, Мор, поднялась на ноги. Ее руки дрожали, а бледные щеки за три дня рыданий опухли и покрылись ярко-розовыми пятнами. Она возложила одну руку на тело покойного мужа, а вторую опустила на плечо Гиллы, своего двенадцатилетнего сына. Медленно поднимая голову, она устремила взгляд на собравшихся.

– Глуниарна должно похоронить по-христиански.

Все ирландцы согласно закивали, а скандинавы заулюлюкали и зашипели. Полукровки молча выжидали, какая из сторон приведет наиболее убедительные доводы.

– Муж сам попросил священников крестить его в реке Лиффи, – упрямо продолжала Мор, не обращая внимания на поднявшийся гам. – Он принял Иисуса всей душой. Я верю, что он предпочел бы христианское погребение, дабы его душа нашла упокоение на небесах.

– Нет! – воскликнул Фальк, стоящий у стены рядом с самыми верными воинами Глуниарна. – Может, на словах Глуниарн и сменил веру, но его близкие друзья точно знают, что король никогда бы не предал древних богов. – Фальк указал на железное кольцо, висящее на деревянном столбе позади трона. – Он целовал кольцо Тора перед каждой битвой и перед каждым набегом. Он обращал молитвы к Тору и Одину,

а вовсе не к Иисусу.

Дружина Глуниарна и все викинги встретили это одобрительными возгласами, к которым присоединились и многие полукровки. Народ затопал ногами по полу: Тор еще не посылал к дублинским берегам раскаты грома, способные заглушить этот гомон.

– Может, на словах он и хранил им верность, – воскликнула Мор, пытаясь перекричать шум. В ее зеленых глазах коренной ирландки стояли слезы. – Но я говорю вам: он молился Иисусу каждое утро.

Толпа заревела еще громче. Язычники оскорбляли ирландских христиан. В ответ те набожно охали и цокали языками, а некоторые из них и вовсе указывали на золотые кресты на шеях скандинавских воинов и насмехались над язычниками, украсившими себя символами столь презренной веры. В тронный зал не дозволялось входить с оружием, но в этот момент казалось, что кровопролития не избежать.

Ситрик решительно шагнул вперед и встал возле Мор, а затем поднял руку, усмиряя толпу.

– Быть может, прежде чем похоронить Глуниарна, стоит поразмыслить, какая загробная жизнь подойдет ему больше?

Насмешки стихли. Собравшиеся нахмурили лбы. Я пристально смотрела на сына, не больше остальных понимая, к чему он задал этот вопрос. Мы ни о чем подобном не договаривались, к тому же все, кроме Мор, прекрасно знали, что христианин из Глуниарна примерно такой же, как из Одина.

Только храбрецы и глупцы идут наперекор жаждущей крови толпе. Безднадежные глупцы. Я осторожно подошла ближе.

Ситрик взял Мор за руку.

– Мор, ты точно знаешь, что Глуниарн веровал в единого Бога и его сына Иисуса?

– Да.

– И уверена, что Бог позволит его душе попасть в этот ваш... рай?

Мор взглянула на стоящего рядом священника, и тот торжественно перекрестился.

– Я верю, что это так, – сказал он. – Король Глуниарн лишь на прошлой неделе получил прощение всех грехов. Он пожертвовал церкви немало золота и дозволил мне проповедовать горожанам истинную веру. Душу короля Глуниарна непременно ждет отрада вечной жизни.

Ситрик устремил взгляд в зал и нашел в толпе королевского провидца.

– А что же Вальхалла, Вальдемар? Валькирии уже отнесли моего брата на славный пир Одина?

Послышались приглушенные перешептывания. Я могла догадаться, что они обсуждали, даже не вслушиваясь. Глуниарн умер не так, как пристало воину. Что, если валькирии унесли его в царство мертвых?

– Глуниарн был отважным воином, – встрял Фальк, прежде чем Вальдемар успел ответить. – Может ли Всеотец пожелать лучшего воина на Рагнарек? Да, король пал без ме-

ча в руке, но лишь потому, что из последних сил всадил его в брюхо Эгиля! – Фальк оглушительно ударил себя кулаком по кожаному нагруднику. – Глуниарн встретил смерть достойно!

Воины из дружины Глуниарна одобрительно закричали, но тише, чем раньше. Воодушевившись их поддержкой, Ситрик улыбнулся и прижал ладонь к сердцу.

– Я превыше всего в жизни желаю, чтобы мой брат вволю попировал с отцом в загробной жизни. Что скажешь, Вальдемар? Мои надежды не напрасны?

Вальдемар доковылял до королевского стола, с каждым шагом стуча деревянной тростью об пол. Он был провидцем Дублина еще до того, как я вышла за Амлафа, и уже тогда мне казалось, что он стоит на пороге смерти. Невероятно длинный подбородок и потерянный из-за обморожения нос придавали ему на редкость уродливый вид, а пах он козым дерьмом и мочой. Его учения о древних богах казались мне столь же несуразными, что и проповеди христианских священников, но, похоже, это мнение никто не разделял. Чистокровные викинги внимали каждому его слову с благоговейным почтением. Вот и на сей раз зал затих в ожидании вердикта провидца.

Вальдемар остановился возле Мор, намеренно загородив священника.

– Гибель Глуниарна напоминает мне о смерти Бальдра. Ведь Эгиль рожден племянником Глуниарна, а Бальдр – пле-

мянником Локи.

Взгляды всех гостей теперь были прикованы только к провидцу. На мгновение он опустил голову, опираясь на посох всем телом.

– Бальдра сразило копьё из омелы, зачарованное Локи – его названным дядюшкой. И пусть Бальдр был достойным и отважным воином, он отправился к Хель в царство мертвых, а не в Вальхаллу. – Вальдемар устремил взгляд в пол. – Похоже, что Глуниарна, как и Бальдра, обманул его близкий сородич. Все вы видели, с каким напускным почтением Эгиль относился к Глуниарну, и король, точь-в-точь как Бальдр, узнал о предательстве слишком поздно.

Ситрик ударил себя кулаком в грудь.

– Покажи мне дорогу в царство мертвых, Вальдемар, и я бесстрашно отправлюсь на поиски брата, чтобы вызволить его.

– Тебе не занимать храбрости, Ситрик Шелкобородый, – усмехнулся провидец, – но лишь богам дозволено войти в царство мертвых и вновь покинуть его. У Глуниарна нет выбора, кроме как остаться в чертогах Хель.

В зале вновь послышался шум: кто-то шептался, кто-то рыдал. Слова Вальдемара не пришлись по душе никому – даже христианам.

Священник отпихнул провидца в сторону.

– Не предавайтесь отчаянию! Короля спасет истинный единый Бог. Пусть я сам и не верую в это царство мертвых,

но если бы оно существовало, наш всемогущий Господь вызволил бы Глуниарна из заточения столь же легко, как... как мы достаем занозу из кожи!

– Тогда решено, – молвила Мор, и ее глаза заблестели. – Мы должны похоронить Глуниарна по-христиански. Прошу вас. Молю.

Никто из собравшихся не ответил. Прерывисто дыша, королева переводила взгляд с одного гостя на другого в поисках тех, кто мог ей возразить.

– Ситрик, прошу тебя. – Мор потянула моего сына за рукав. – Ты его брат. Как нам поступить?

Ситрик взял ее за руку.

– Мы с Глуниарном не были близки и часто враждовали. Мне не пристало решать его судьбу. Харальд, брат мой, что думаешь ты?

Харальд – сильный как бык и такой же недалекий – нахмурился, обдумывая вопрос.

Мор крепко сжала ладонь Ситрика.

– Пожалуйста, ответь мне. Да, вы с Глуниарном не ладили, но, по крайней мере, ты говорил все ему в лицо. Он всегда признавал, что уважает тебя за это.

Ситрик призадумался, поглаживая бороду. Все собравшиеся в чертогах молча ждали его ответа.

– Я считаю, что лучше жить вечно в христианском раю, чем томиться в царстве мертвых до самого Рагнарека.

Я взглянула на Фалька. Теперь все зависело от того, как

ближайший товарищ Глуниарна воспримет слова Ситрика. К тому моменту Фальк нахмурился еще сильнее: теперь он не сводил пристального взора с тела своего лучшего друга и бывшего короля.

– Что скажешь, Фальк? – тихо спросил мой сын.

Тот глубоко вздохнул:

– Глуниарн не заслужил изгнания в царство мертвых, но боги бывают жестокими, а Хель – алчная владычица. – Он закусил губу, оторвал взгляд от Глуниарна и наконец повернулся к Мор. – Что же, похорони его, но зарой с ним и его меч, чтобы ваш единый Бог понял, каким он был доблестным воином.

Мор кивнула и с тревогой взглянула на лица собравшихся.

Все молчали. Никто не осмелился спорить с Фальком.

Судьба Глуниарна была решена.

Вскоре гости снова принялись шушукаться, и Мор удалилась, всю обсудив со священником христианские похороны.

Я выскользнула из дверей чертогов раньше всех остальных и направилась к очагам на площади для поединков. Рынок вот-вот откроется, а мне надо купить рыбу для похлебки. Снаружи задувал холодный ветер, по рукам били крошечные твердые капли дождя, пророча зимнюю бурю. Я подождала, согреваясь у одного из костров, но рынок по-прежнему пустовал. Наверняка все отправились в Лонгфорт² посмотреть,

² Лонгфорт (нрл. longphuir) – укрепленная гавань или береговая крепость, ко-

как понесут тело Глуниарна.

Днем мне нечасто доводилось видеть дублинский рынок таким безлюдным. Амлаф всегда считал его достоянием города, а во время правления Глуниарна он разросся еще сильнее. В Дублин теперь прибывало так много купцов, что большинству из них приходилось ставить прилавки за пределами города. Убежище внутри стен могли позволить себе лишь богатейшие торговцы и те, кому покровительствовал сам Глуниарн, но даже им приходилось жаться так близко к друг другу, что непросто было понять, где кончается один прилавок и начинается другой.

Стены давно нуждались в расширении. Дублин был небольшим городом: лонгфорт от западной стены отделяло всего две тысячи футов. Амлаф настоял на том, чтобы сохранить первоначальные укрепления, чтобы город удобнее было оборонять. Когда на нас нападали ирландские короли, они сжигали простирившиеся за стенами поля и грабили амбары. «Урожай вырастет снова, а еду можно купить за морем, – говорил Амлаф. – Воинов заменить куда сложнее». Глуниарн так и не пошел против воли отца, хотя купцы постоянно жаловались, что приходится торговать за пределами городских стен.

Вдруг послышался пронзительный визг, разбивший тишину вдребезги:

– Гормлат!

Я обернулась и изумленно уставилась на пухленькую де-
вушку, приходящуюся мне приемной дочерью.

– Гита? Что ты здесь делаешь?

– Ты же прекрасно знаешь, что я приехала навестить се-
мью.

– А я тебя и не заметила в тронном зале! – Я заключила
Гиту в объятия, а затем отстранилась и посмотрела ей в гла-
за. – Мне так жаль, что ты прибыла в столь недобрый час.
Когда я писала тебе последнее письмо, я и не догадывалась,
что нашу семью постигнет такая трагедия.

Губы Гиты задрожали.

– Мой корабль добрался до гавани лишь сегодня утром. Я
поверить не могла, когда сошла на берег и услышала о смер-
ти брата, но слава Богу, что я хотя бы успела на похороны.
Ведь на все воля Его.

Я отметила искреннее рвение в ее голосе и серебряный
крест, висящий на шее, но ничуть не удивилась, что Гита
сменила веру. Англичане одержимы своим Богом, и ее по-
койный муж наверняка настоял на обращении в христиан-
ство.

Утерев пухлые щеки, Гита обратила тоскливый взгляд на
королевские чертоги. Несколько воинов несли тело Глуни-
арна к лодке, которая доставит его в старый монастырь на
острове Око Эрин к северу от Дублина. Стараниями Амла-
фа там больше не живут ни монахи, ни жрецы, но земля по-
прежнему остается священной, и христиане Дублина хоро-

нят в ней мертвецов.

Проследив за моим взглядом, Гита пробормотала молитву и высморкалась в платок. Она уже в детстве была крайне меланхоличным созданием. Когда я вышла за Амлафа, она денно и ночно рыдала у моих ног, оплакивая погибшую мать. Поначалу я подсыпала снотворное в ее молоко, но потом смирилась с характером Гиты, потому что она рассказывала, о чем шептались ее сестры за моей спиной. Когда Амлаф подбирал для них мужей, я припомнила им каждое слово.

– Мне так жаль Глуниарна, – сказала я. – Ты всегда была его любимой сестрой.

Гита едва слышно всхлипнула, и по ее щекам потекли новые потоки слез.

– Поживи со мной, пока ты здесь. – Я прижала ее руку к своей талии. – Воины Ивара из Уотерфорда не славятся добродетелью. Лучше держаться от них подальше. Они наверняка сочтут дочь Амлафа Рыжего желанной добычей.

Гита опустила взгляд и незаметно подошла ближе, словно напуганная мышка.

– Глуниарна с нами больше нет, – прошептала я, – и заботиться о тебе – теперь моя обязанность. Многим достойным мужчинам Дублина нужна жена. Если хочешь, я подберу тебе подходящую пару.

Она улыбнулась, но покачала головой:

– Мой пасынок говорит, что сам найдет мне супруга.

– Но ты ведь не хочешь возвращаться в Нортумбрию?

– Нет, не хочу. Бамбурги из Нортумбрии – омерзительное семейство. Все до единого лицемеры и богохульники. Но если я не вернусь, они не заплатят мне вдовью долю.

– Понимаю. Видимо, они хотят, чтобы деньги остались в семье. Несомненно, уже объявился какой-то родич, желающий завоевать твои руку и сердце.

– Да, племянник покойного мужа, Этельвольд, в последнее время принялся осыпать меня комплиментами... Ужасный тип. – Гита взглянула на меня с широко раскрытыми глазами. – Ты такая умная, Гормлат. Ты во всем этом разбираешься, а вот я – нет.

– Твои сестры скорее назвали бы меня «коварной».

– Это не так, – ответила Гита. – Они тогда просто завидовали твоей красоте. Уверена, сейчас бы они пожалели о своих словах, ведь ты овдовела так давно, но по-прежнему хранишь верность моему отцу.

Я вздохнула:

– Я уже столько раз пожалела, что позволила ему уплыть на Айону. Амлафа следовало сжечь в Дублине, как и пристало язычнику. Я сочла бы за честь подняться на погребальный костер мужа и разделить с ним вечность в Вальхалле.

Гита улыбнулась со слезами на глазах и заключила меня в крепкие объятия. Мы простояли так, пока Мор и ее придворные дамы не вышли из большого зала и не направились к лонгфорту, месту грядущих погребальных молитв. Ладонь

Гиты выскользнула из моей, она стала прощаться.

– Давай встретимся позже? – предложила я прежде, чем она успела что-то произнести. – Расскажешь о своих Бамбургах из Нортумбрии. Быть может, я сумею тебе помочь.

Она кивнула:

– Я найду тебя после церемонии.

Гита вышла на тропу, ведущую к Лонгфорту, и я глядела ей вслед, пока она не исчезла из виду. Покрепче заворачиваясь в плащ, я внезапно почувствовала, как что-то словно обожгло мне ноги. Я медленно огляделась. Рынок по-прежнему пустовал – за исключением мужчины в длинном коричневом плаще, стоящего возле кузницы и разглядывающего мечи. А он что здесь делает?

Я неторопливо пошла к нему, время от времени останавливаясь и рассматривая ткани, оставленные торговцами, ушедшими наблюдать за похоронами. Прилавок рядом с кузницей был завален одеялами и мехами. Наклонившись, я пощупала один из плащей.

– Что это за девушка? – прошептал мужчина, не сводя взгляда с клинков, висящих на стене кузницы.

– Моя приемная дочь Гита.

– Ах да. Она, кажется, была замужем за покойным графом Нортумбрии?

– Да.

– У нее грустный вид.

– Еще бы. У нее нет детей, и ее будущее в Англии под

вопросом. Особенно после смерти Глуниарна. – Я огляделась. Несколько мужчин и женщин возвращались на рынок из лонгфорта. Наверняка погребальный обряд уже начался, и убежденные язычники не желали слушать христианские молитвы. – Но хватит о ней, Малморда. Что ты здесь делаешь?

– Навещаю любимую сестру.

– Я твоя единственная сестра, – фыркнула я.

– И тем не менее все еще любимая. – Малморда ненадолго умолк. – Хорошо выглядишь.

– Знаю.

Малморда тоже хорошо выглядел, но упоминать об этом не имело смысла. Наверняка он частенько слышал такое от трех жен и бесчисленных любовниц. Я ткнула пальцем в бурый шерстяной капюшон, скрывающий его лицо.

– Зачем тебе этот маскарад?

– У меня есть важные сведения, но никто не должен знать, что ты получила их от меня.

Я вскинула бровь.

– Мы можем поговорить наедине?

– Если настаиваешь. – Я взглянула в сторону дома. Он располагался прямо за королевскими чертогами, и окрестные улицы еще пустовали. – Видишь слева дверь с длинной тонкой трещиной?

Малморда отступил, словно желая изучить соседний прилавок с ювелирными изделиями, а затем кивнул.

– Проследи, чтобы тебя никто не увидел.

Некоторое время брат оглядывался по сторонам, словно убеждая невидимых наблюдателей, что ему надоело впустую ждать кузнеца. Через несколько минут он решительно двинулся в сторону лонгфорта.

Дождавшись продавца, я приобрела меховое одеяло, а затем прошла до рыбных рядов и купила две скумбрии. Да-да, погода меняется, того и гляди жди бури, бедный король Глуниарн, ох уж эти христианские похороны. Все купцы заводили один и тот же разговор, но я неизменно находила для каждого улыбку. Я хорошо умею улыбаться.

Когда я добралась до дома, Малморда уже ждал внутри. Он снял капюшон, и я отметила, что он еще больше похорошел с нашей последней встречи на похоронах дяди. Густые черные кудри – точь-в-точь как у нас с матерью. Узкий волевой подбородок, высокие точеные скулы. Его глаза – карие с позолотой, напоминающие цветом мед, – блестели из-под темных ресниц.

– Я хочу поговорить о Ситрике, – сказал он, как только я закрыла дверь. – И о том, что перед смертью тебе рассказала мать.

– Ну конечно, давай с порога сразу к делу. – Я бросила плащ и новое одеяло на кровать, а рыбу положила на стол. – Помоги разжечь огонь.

Малморда осмотрел мои полки.

– А где у тебя кремень?

– Нам с тобой кремень не нужен. – Я провела рукой над камином и взглянула на брата. – Ты что, не хочешь?

Брат нахмурился и принялся теребить растопку между большим и указательным пальцами.

– Тебе не стоит пользоваться волшебным огнем. Если потомки Туата Де Дананн появятся в городе, они сразу его учуют.

Я закатила глаза:

– Потомки сюда не суются. Мать всегда говорила, что они ненавидят викингов даже больше, чем смертных ирландцев.

– Это скоро изменится. Викинги все чаще принимают христианство. – Он взял яблоко из миски, стоящей в центре стола. – Будь осторожна, Гормлат. Я хочу, чтобы ты дожидала до дня, когда я стану верховным королем Ирландии.

Я протянула руку и выпустила огненную стрелу. Растопка в очаге затрещала, и толстый столб дыма вознесся к пробитой в крыше дыре. Сколь ни противно это признавать, Малморда прав. Уже двух королей Дублина похоронили по-христиански. Вскоре Потомки и сюда пришлют своих соглядатаев.

– Завтра я куплю кремень, если это тебя так волнует.

Малморда откинулся на спинку кресла.

– Знаешь, Гормлат, ты достойна похвалы. Я был в чертогах и слышал, как обсуждали похороны Глуниарна. Ситрик хорошо себя проявил – даже жаль, что он смертный. Впрочем, из него получится славный правитель Дублина. Став

верховным королем, я его вознагражу.

– Правда? – фыркнула я. – Ты еще даже не король Ленстера. Какое ты имеешь право давать подобные обещания?

Малморда откусил от яблока сочный кусок.

– Ты права – корона Ленстера еще не моя. Мой путь к трону преграждает Доннаха мак Доуналл Клоин. Чтобы расправиться с ним, понадобится войско Дублина.

– Значит, тебе нужна помощь Ситрика? – Чтобы направить охватившую меня ярость на что-нибудь неодушевленное, я принялась нарезать овощи на мелкие кусочки. – С чего бы это ему тебя поддерживать?

– Мать сказала, что ты согласилась помочь, а Ситрик – часть ее плана.

Я постучала ножом по деревянной доске.

– Ты забыл спросить, чего хотела я. Я не собираюсь отправлять сына на убой, словно откормленного теленка на ярмарку. Я люблю его и не намерена его терять.

Малморда поглядел на меня точь-в-точь как мать: сплошь разочарование и раздражение. Я всегда ненавидела этот взгляд, о чем прекрасно знал брат, но он все равно не удержался.

– Так и знал, что ты это скажешь, – с горечью молвил он. – Знал, что не захочешь помочь. Ты всегда мне завидовала, потому что мать любила меня больше.

Я развернулась и указала ножом на его лицо.

– Мать здесь совершенно ни при чем. Ситрик – мой сын.

Мой.

– Он смертный, Гормлат. У тебя появятся и другие сыновья. Ты бы давно их родила, если бы согласилась выйти замуж за тех, кого я предлагал. Один из твоих детей мог бы даже родиться фомором – одним из нас.

– А у тебя сейчас сколько детей? Девять? Десять? – Я вернулась к столу и продолжила кромсать капусту. – И много среди них маленьких фоморов?

Вместо ответа Малморда вздохнул, но я заметила, как он стиснул зубы. Значит, мы оставались последними представителями нашего рода.

– Вот и не учи меня.

Нисколько не смутившись, Малморда наклонился ко мне и продолжил:

– Гормлат, он уже взрослый мужчина. Рано или поздно тебе придется его отпустить.

Эти слова он произнес вкрадчивым, бархатным голосом. Иногда он до того напоминал нашу мать, что хотелось закричать. Я сжала нож еще крепче.

– Нет.

Раздался стук в дверь. Ухмыляясь, Малморда приоткрыл ее, и внутрь ввалился Ситрик. Он уставился на моего брата и после мгновенного замешательства протянул ему руку.

– Давно не виделись, дядя. Я не сразу поверил, получив твое послание.

Малморда крепко сжал предплечье Ситрика.

– Очень давно. Увы, сегодня я тоже не задержусь надолго, но у меня есть вести, которые я должен передать тебе сам.

Ситрик посмотрел на меня:

– Какие вести?

– Не знаю, – ответила я, пристально глядя на Малморду. –

Он даже мне еще не сказал.

Проклятие, ну почему они с матерью так со мной поступают? Они всегда обводили меня вокруг пальца. Я шла домой в уверенности, что Малморда приехал в Дублин встретиться именно со мной. Но нет: Ситрику исполнилось девятнадцать, и брат решил, что теперь можно со мной не считаться, а я это проглядела. Какие бы вести ни принес брат, он не захотел делиться ими со мной, а решил сообщить Ситрику лично. Малморда знал, что мой сын, потерявший отца, охотно заглотит наживку дядиного внимания.

Лицо брата оставалось непроницаемым, но я догадывалась, что он сдерживает ухмылку.

– Верховный король Шехналл направляется к вам. Полагаю, он будет в Дублине завтра, еще до восхода.

Ситрик нахмурил брови:

– К нам едет Шехналл? – Он подошел к столу и с чувством пнул стул. – Они с Глуниарном были сводными братьями, и Шехналла наверняка огорчила его гибель. Надеюсь, ему придется по нраву, что мы похоронили Глуниарна по христианским обычаям.

– Так вот почему ты помог Мор добиться своего, – улыб-

нула я.

– Да, я сразу понял, что с Шехналлом могут быть проблемы, – ухмыльнулся Ситрик в ответ.

– Задумка хорошая, но этого недостаточно, – встрял Малморда. – Глуниарн платил Шехналлу немало золота, а теперь верховному королю не видать этих сокровищ. Поэтому он ведет сюда войско и хочет наложить на Дублин эрек³.

– Войско? Вот дерьмо. – Ситрик взъерошил волосы. – Но почему? И что еще за эрек?

– Шехналл утверждает, что Глуниарн погиб не в пьяной потасовке, – пояснил Малморда. – Он считает, что его брата убили, и собирается потребовать дань в пользу Мор и Гиллы.

Я цокнула языком:

– И, конечно же, получит свою треть как посредник?

Малморда кивнул. Ситрик уставился на меня, а затем перевел взгляд на дядю.

– О чем это вы?

Я вздохнула и жестом попросила его сесть.

– Ирландский закон обязывает клан убийцы заплатить семье жертвы за отнятую жизнь – это и есть эрек. А если его оспаривают и отказываются платить, то посредник, который заставит родственников убийцы раскошелиться, получит треть от общей суммы. В нашем случае таким посредником станет Шехналл. – Я взглянула брату в глаза. – И много

³ Эрек (*ирл.* eгаіс) – вира; пеня за убийство свободного человека в Ирландии раннего Средневековья (*прим. пер.*).

он назначит?

– По унции золота с каждой семьи, живущей в Дублине. Каждый год.

– Ни одной семье в городе это не по карману, – возмутился Ситрик.

Малморда помолчал, словно обдумывая его слова, но я слишком хорошо знала уловки брата, чтобы купиться. Несомненно, он давно приготовил ответ, но я все еще не понимала, что он задумал. Что могло заставить его снять все золотые и серебряные украшения и прискакать сюда, на целую неделю отказавшись от ласк жен и любовниц?

– Дублин – процветающий город, – наконец произнес брат. – Разве ты как король не сможешь освободить жителей от дани и заплатить эрек вместо них? Сделав это, ты в два счета заполучишь корону.

Так вот оно что. Малморда хотел, чтобы мой сын, рискнув жизнью, занял трон Дублина, а после помог избавиться от соперника.

Ситрик покачал головой – хоть это меня порадовало.

– Не в этом году, дядя. Уже началась зима, и торговые пути закрылись.

– А если принять обязательство сейчас, а заплатить в следующем году?

– Может, получится, а может, и нет. Я не знаю, хватит ли городских налогов. Это серьезный риск.

– А я-то думал, ты хочешь стать королем, – насмешливо

ухмыльнулся Малморда. – Остальные претенденты на трон не захотят связываться с эреком. У тебя будет возможность завладеть Дублином без кровопролития.

Ситрик уставился на очаг в сердце комнаты, его взгляд выдавал нерешительность. Он желал сесть на трон с самой смерти Амлафа. Даже куда менее честолюбивый человек вряд ли отказался бы от такой возможности. Я должна была направить сына на верный путь, и теперь, когда Малморда рассказал о своих намерениях, я знала, где он пролегает.

– А теперь замолчите оба и послушайте меня.

Они уставились на меня с одинаковым выражением лиц: «Ступай прочь, женщина, и дай мужчинам поговорить». Я не собиралась идти у них на поводу. К счастью или нет, но я умнее их обоих, вместе взятых.

– Ситрик, ты слишком нетерпелив. А ты, Малморда, разбираешься в ирландских законах, но не понимаешь викингов. Ваш план не работает.

– Почему? – спросили они хором.

– Потому что дублинцы захотят сразиться с Шехналлом вне зависимости от того, примет Ситрик эрек или нет. Они не станут горбатиться целый год, чтобы отдать золото в казну ирландского короля. Унция золота – это слишком много.

Малморда подошел к очагу и схватил одну из скумбрий, коптящихся на огне. Он содрал чешую ножом и разрезал рыбу на куски.

– В Дублине слишком мало воинов, чтобы совладать с

войском Шехналла. Мои разведчики говорят, что он ведет сюда две с лишним тысячи.

– Без сомнения, Дублин падет, – кивнула я. – В городе едва хватит воды на месяц осады. Как бы яростно мы ни сражались, через несколько недель придется открыть ворота и начать переговоры. Новому королю всю жизнь придется слушать напоминания об этом поражении и принять вину за наложенный эрек.

– Тогда как мне поступить? – Ситрик сложил руки на груди.

– Поддержи одного из сводных братьев. Наверняка Дугалл станет претендовать на трон. Сражайся на его стороне – и сражайся отважно. Когда Дублин сдастся, воины с гордостью вспомнят о твоих подвигах, а в поражении обвинят другого.

– Мне что, позволить Дугаллу прибрать корону к рукам?

– Долго она у него не задержится. О нет, когда Шехналл захватит город, он назначит королем Ивара из Уотерфорда, а вам с братьями придется покинуть Дублин.

– Мама, я не понимаю.

Я на мгновение задумалась: как же объяснить, чтобы до него дошло? Прежде чем Малморда снова успел вмешаться, меня озарило.

– Шехналл считает, что его брата убили, так?

Ситрик кивнул.

– Значит, он не станет доверять ни одному мужчине, который был в Дублине в ночь смерти Глуниарна. А у Ивара

в распоряжении все богатство Уотерфорда, и он сможет заплатить эрек. Он уже богат и у него есть армия – он охотно согласится с такой ценой за дублинскую корону.

– Но этого же нельзя допустить. – Щеки Ситрика побагровели. – Я не позволю Ивару стать королем.

Он сердито сузил глаза при мысли, что может потерять Дублин. Еще совсем недавно подобное выражение появлялось на лице сына, когда я прятала от него игрушки. Передо мной стоял мужчина, который во многих отношениях по-прежнему оставался мальчишкой. Довольно. Настала пора распрощаться с детством.

– Большие звери пожирают маленьких, Ситрик: так уж устроен мир. У Ивара больше воинов, чем у тебя, а у верховного короля – больше, чем у Ивара. Значит, мы должны собрать еще более сильное войско.

Малморда нахмурился:

– Во всей Ирландии только у Бриана Бору есть войско, способное тягаться с армией Шехналла, но связываться с королем Манстера себе дороже. Он хитер, как волк.

– Только коренного ирландца нам не хватало, – резко ответила я. – Они нас терпеть не могут. Нам нужна помощь викинга, у которого найдутся и деньги, и внушительный флот.

Сложив руки на груди, Малморда шагнул назад.

– Если позвать в Ирландию кого-то из этой своры, он сам захочет стать королем. Охотно наобещает с три короба, а потом отнимет все.

– А если мы кое-что предложим взамен?

Ситрик непонимающе возрился на меня, а Малморда ухмыльнулся.

– Брачный союз, да?

Я улыбнулась в ответ.

– И кто же у тебя на уме? Надеюсь, это завидная невеста.

– Еще какая. – Я положила нож на стол и вытерла руки о фартук. – Мне нужно уплыть этой же ночью. Если я дождусь появления Шехналла и его войска, все подумают, что я испугалась. – Я повернулась к сыну. – Ситрик, послушай меня. Сейчас не время ввязываться в борьбу за престол. Пусть корону наденет Дугалл. Сражайся на его стороне, но не глупи. Я вернусь с войском, как только смогу. Вместе мы уничтожим всех, кто встанет у нас на пути.

Наконец он кивнул:

– Хорошо, мама. Я тебе доверяю.

Я нежно поцеловала его в щеку:

– А теперь разыщи Фалька. Расскажи ему, в чем дело, и объясни, что он должен отвезти нас с Гитой в Нортумбрию.

– С Гитой? – фыркнул Ситрик. – Это она-то – твоя завидная невеста?

– Однажды ты поймешь, что похоть не играет в брачных союзах никакой роли.

Потерев пах, он бросил взгляд на дядю.

– Надеюсь, что не пойму.

Малморда похлопал племянника по спине и понимающе ухмыльнулся:

– Запомни, Ситрик: в жены бери, кого скажут, а в постель тащи тех, кого захочешь сам. Жены нужны, чтобы рожать детей. Поверь, так куда проще.

Я подтолкнула сына к двери, раздраженно шипя:

– Скорее, найди Фалька.

– До встречи, мама, – рассмеялся он, целуя мою руку. – Скоро увидимся.

Как только за ним закрылась дверь, Малморда смерил меня тяжелым взглядом.

– Смотри, чтобы из-за любви к смертному сыну не забыть, кто ты на самом деле. – Он повернул ладонь к потолку, и на ней расцвел огонек пламени. – Мы – последние потомки фоморов, и я верну все, что потеряли наши предки, но мне не обойтись без твоей помощи. – Я подумала, что брат еще никогда в жизни не выглядел таким серьезным. – Ты со мной или нет, сестра?

Вытянув руку, я заставила внутреннее тепло устремиться к ладони и зажгла еще одно фоморское пламя.

– Ситрик станет королем Дублина и усидит на троне, только если вы сделаете, как я скажу. Поверь мне.

Малморда с такой силой обхватил пальцами мое запястье, что мне стало больно.

– Тогда уплывай. Но не забывай, что Дублин – ключ к моему успеху. Не смей его потерять.

– Не бойся, брат, – прошептала я, вырывая руку из его хватки. – Рано или поздно я всегда добиваюсь того, чего хочу.

Остров Феннит, 992 год

Фоула

– Собрание не начнется, пока все не усядутся! – воскликнула Лег, высоко поднятыми руками отгоняя прочь тех Потомков, что толпились возле нее и других хранителей даров. От ее жестов белые шелковые рукава платья нормандской выкройки напоминали крылья лебедя.

Разговоры затихли, и Потомки расселись по деревянным скамьям, окружающим главный стол Совета. Некоторые поторопились занять последние свободные сиденья в первом ряду – среди них и те, кто прошлой ночью осушил слишком много самовосполняющихся кубков Лег. Наблюдать такое рвение оказалось весьма непривычно. Ежегодные собрания обычно проходили скучно и предсказуемо. На них редко сообщали новости, которые Потомки уже не обсудили бы во всех деталях предыдущим вечером на пиру. Даже голосованию за Новое соглашение шестьдесят лет назад предшествовали долгие месяцы обсуждений. Сегодня все обстояло иначе. В воздухе витало напряжение.

Известие о беременности Роунат быстро разошлось по всей крепости, и теперь мне в затылок смотрели двести пар глаз. Я напомнила себе, что это не имеет значения: право судить Потомков за нарушение законов есть только у храни-

телей даров, входящих в Совет. Считается, что так на вынесение вердикта не повлияют ни дружеские, ни родственные отношения. Вместо того чтобы волноваться о тех, кто буравил взглядом мою спину, я сосредоточилась на тех, кто сидел впереди.

За ольховым столом стояло девять кресел, но заняты были лишь семь из них. Свое место имел каждый из оставшихся хранителей: друид, ведьма, виночерпица, воитель, арфист, целительница и оружейник.

Центральное кресло, как обычно, пустовало. Оно символизировало Луга, владевшего всеми дарами сразу. Никто более не обладал подобным могуществом: ни Потомки, ни наши предки, ни даже Кухулин, знаменитый сын Луга. Я гадала, почему это кресло попросту не уберут, но, как и во многих других наших церемониях, верность традициям побеждала здравый смысл.

Впрочем, в этом году пустовало не только центральное место. Я мельком взглянула на кресло, стоящее с правого края. С тех пор как прошлым летом умерла Гронне, среди нас не осталось пророков и пророчиц.

Томас, как и полагалось верховному друиду, сидел в кресле слева от центра. Он выглядел хмуро, борозды морщин на его лбу казались глубже обычного. Взгляд устремился в пустоту. Вокруг него по-прежнему суетились несколько Потомков, каждый из которых желал оставить за собой последнее слово – прямо как я в прошлом. Томас слушал их всех

с серьезным видом, иногда отвечая на реплики кивком или вздохом. Сам он молчал, и я знала, что ему есть над чем подумать: прошлой ночью он рассказал мне далеко не все.

Внезапно мое сердце застучало быстрее. Кровь билась в ушах с такой силой, что я не слышала ничего другого. Томас же не предал меня, правда? Он сказал, что поможет Роунат. Так почему же я сомневаюсь в нем? Я вспомнила, как в прошлом он называл меня «самовлюбленной» и «мнительной», а я спорила и рыдала.

«Почему сестра тебе всегда важнее меня?»

Глубоко вздохнув, я провела рукой по волосам. Неважно, что Томас думает о Роунат. Он всегда называл себя тем, кто следует своему слову и ни за что бы не отказался от обещания, данного прошлой ночью. Это я, как обычно, сразу думаю о плохом. Неудивительно, что за минувшие годы мне так часто приходилось просить у него прощения.

Гобнет уселась рядом с Томасом и взглянула на собравшихся. Ее красное шелковое платье отражало струящийся из окон свет, тускло сияя подобно мерцающему пламени. Время от времени она поглядывала на Томаса, но в остальном не интересовалась обращенными к нему речами назойливых Потомков. Рядом с ней, сгорбившись, сидел верховный воитель Колмон. Поймав мой взгляд, он едва заметно подмигнул, и я улыбнулась. Колмон всегда любил пошутить – по крайней мере, в мирные времена. Если бы на него не смотрело столько Потомков, он бы наверняка попытался развесе-

лить меня преувеличенно широким зевком. Моего старшего сородича ничуть не изменила возложенная на него ответственность, и я поскорее отвернулась, пока он не совершил чего-нибудь неподобающего.

Верховный оружейник Фиахра ткнул Колмона локтем, заставляя воителя отвести от меня взгляд. Фиахра что-то шепнул ему на ухо и с хмурым видом помассировал пальцами виски. Скорее всего, жаловался на похмелье.

«Может, дела не так уж и плохи?» – подумала я. Гобнет и Фиахра дружили с Роунат, а Колмон и вовсе наш родственник. Я не сомневалась, что эти трое заступятся за мою сестру, а что до Томаса... На него я тоже могу положиться. А это означало, что четверо из семи хранителей готовы отдать голос в защиту Роунат.

Я посмотрела на противоположную часть стола – справа от Томаса и пустующего центрального кресла. Там сидели верховная целительница Аффрика, верховный арфист Шэй и верховная виночерпица Лег. Усаживаясь в кресла, они перешептывались. Убедить их – задача посложнее. Во время последней войны смертных, в которой участвовали Потомки, Роунат сражалась против Лег и Шэя, а у Аффрики, хранительницы моего дара, характер вечно раздраженной кобылицы. Как обычно, она наверняка готовится проголосовать за самое суровое наказание.

Наконец Томас поднял руку, и все остальные Потомки умолкли.

– Благодарю вас, что пришли на собрание Совета. – Он помолчал. – Сегодня мы должны обсудить два вопроса. Первый: как мы поступим с четырьмя сокровищами Туата Де Дананн?

В зале послышались изумленные вздохи. Я сомневалась, что после вчерашних самовосполняющихся кубков и бочонков с элем кто-то ожидал разговора о великих сокровищах нашего рода.

Томас дождался, пока утихнет шум:

– Пятьсот лет назад мы сражались с потомками фоморов. Мой дед, верховный друид, решил доверить сокровища разным хранителям даров, чтобы они не попали в руки врагов. – Он указал на гобелен за своей спиной, на котором Луг сражал копьем короля фоморов Балора, а волшебное око вражеского предводителя извергало пламя на его же войско.

Томас внимательно посмотрел на собравшихся:

– Мы сражались с фоморами еще со времен битвы при Маг Туиред. Одиннадцать лет назад мы с Колмоном убили Рауля Нормандского. Теперь с ними покончено навсегда.

Члены Совета похлопали, но их лица по-прежнему оставались серьезными. Остальные Потомки выражали эмоции не столь сдержанно: в зале послышались громкие возгласы.

– Мы спасли смертных от невероятных страданий, – продолжил Томас, повышая голос. – Волшебный огонь фоморов больше не уничтожит ни один город, их алчность не поработит ни одного смертного, а их войско никогда не осадит

нашу крепость.

Зал взорвался столь оглушительными криками, что две вороны, свившие себе гнездо под крышей, испугались и взлетели в воздух. Первой слова Томаса встретила аплодисментами Гобнет, а через считанные мгновения их подхватили все собравшиеся. Прошло несколько минут прежде чем присутствующие успокоились.

Я стояла и хлопала вместе со всеми. Искоренение фоморской угрозы стало великим событием, которое вновь объединило Потомков после волнений из-за Нового соглашения. От клинков и огненных чар фоморов пало немало наших сородичей, в том числе женщин и детей. Наши воины охотились за ними целые столетия и наконец-то сумели полностью уничтожить древних врагов. Я вспомнила, какой восторг переполнял меня одиннадцать лет назад, когда Томас и Колмон вернулись в крепость с известием о том, что Рауль Нормандский пал. Ифа тогда была еще жива.

Когда все расселись по местам, Томас широко улыбнулся собравшимся.

– Мой дед принял верное решение, спрятав сокровища, но я считаю, что настало время воссоединить их и привезти сюда.

Молчание.

Меня не удивило, что сородичи растерялись. Мы редко меняли привычный уклад жизни, а Томас огорошил нас, даже не предупредив о своих замыслах заранее.

Первой подняла руку верховная целительница Аффрика.

– Я не согласна. Сокровища нужно оставить в покое. В те годы Совет принял решение спрятать их не только из-за страха перед фоморами.

Гобнет наклонилась вперед:

– О чем ты говоришь, Аффрика? Какие еще могли быть причины?

Аффрика медленно поднялась на ноги.

– Я – старейшая из живущих Потомков и единственная хранительница дара, которая участвовала в собрании, на котором обсуждалась судьба сокровищ. Да, тогда мы хотели защитить их от посягательств фоморов – но мы не желали искушать и самих себя.

– Высокого же ты мнения о Потомках, – рассмеялся Томас. – Сокровища принадлежали нашим предкам, они доверили их нам. Так почему мы не можем хранить реликвии у себя в крепости?

Пристально глядя на него, Аффрика неспешно расправила плечи:

– Даже когда наши предки свободно ходили по всей Ирландии, они хранили реликвии порознь. Если одному из Потомков достанутся все сокровища, ему или ей откроются секреты вечной жизни и власти над смертными. В наших венах течет не только кровь Туата Де Дананн, но и кровь смертных. Над нами тоже властны алчность и похоть.

Многие встретили ее слова аплодисментами – то были

Потомки постарше, которые помнили дни давних сражений; помнили, как нас затягивало в жизни и войны смертных. Младшие сородичи только качали головами.

– Наш род заслуживает большего, чем твое недоверие, – возразил Томас, сцепив пальцы. – Дары защищают нас от худших проявлений смертных пороков. К тому же есть и другая причина вновь воссоединить сокровища.

Все заинтересованно подались вперед.

– Ирландия – наш дом, страна мифов и магии. Но волшебство угасает. У нас все чаще рождаются чистокровные дети, лишённые дара. Таким ребенком была и моя любимая дочь Ифа. Я уверен, что этого бы не случилось, если бы предки не разделили и не спрятали бы великие сокровища.

Меня до глубины души потрясло, что он упомянул Ифу. Ее имя, прозвучавшее из уст Томаса вот так, при всех, причинило резкую боль, мешающую дышать.

Выражение лица Аффрики ожесточилось.

– У Потомков всегда рождались смертные дети.

– Но не так часто, как сейчас, – возразил Томас.

– И ты можешь это доказать? Ты тщательно изучил летописи предков? У меня родилось три смертных ребенка и три одаренных. У моей матери – шесть и шесть. Не похоже, чтобы что-то так уж сильно изменилось.

Томас покачал головой:

– Другим семьям повезло меньше, но есть и иные признаки того, что сила Туата Де Дананн увядает. Взгляни хотя бы

на пустое кресло справа от тебя.

Аффрика убрала с лица непослушную прядь черных волос: казалось, она не нашла нужных слов. Немногие Потомки рождались с даром пророчества, но в каждом поколении им владел хотя бы один. В зале воцарилось неловкое молчание. Мы не привыкли видеть перепалки хранителей даров. Да, Аффрика слыла сварливой женщиной, но она никогда не демонстрировала характер по мелочам. Спор с Томасом на глазах у множества Потомков – неслыханное явление.

– Нас становится все меньше и меньше. Ни одного пророка. Лишь четыре воителя. Ну а сколько нынче ведьм, которым известны все заклинания... – Томас пожал плечами. Лишь сами ведьмы знали ответ, но ни для кого не было секретом, что менять внешность умеет далеко не каждая из них.

Гобнет откашлялась:

– Мне безразлично, появятся ли с возвращением сокровищ одаренные дети. Подумайте лучше, сколько добра можно сотворить с помощью котла. Так почему бы не воспользоваться его могуществом?

– Я согласна, – кивнула Лег. – Котел – это бесконечный источник воды и пищи. Будь он у нас, мы бы избавили смертных от многих страданий.

Аффрика фыркнула, презрительно глядя на них сквозь тяжелые веки.

– Лег и Гобнет, – произнесла она сквозь каркающий смех. – Слишком часто вы слушали христианских жрецов.

Думаете, можно положить в котел две рыбы и пять хлебов, да накормить пять тысяч страждущих? Нет, все устроено иначе.

– Так как же все устроено? – нахмурилась Гобнет. – Просвети нас, пожалуйста.

– Тайны котла были доверены целителям: точно так же, как копье – воителям, меч – оружейникам, а камень судьбы – друидам. Просвещение тебе точно не помешает, ведьма, но пусть им займется кто-то другой.

Гобнет опешила.

– Достаточно, – цыкнул Томас, выпрямляясь в кресле. – Аффрика, пора оставить давние склоки в прошлом. Да, однажды вы с Гобнет сражались друг против друга, но эти времена позади. Теперь мы все на одной стороне.

– Глупец, – сердито буркнула Аффрика. – Мною движет не затаенная обида. Ты сам затеял этот разговор. Сокровища разделили и спрятали не просто так, и нельзя собирать их вместе лишь из-за беспочвенных предположений.

Томас побагровел. Мой двоюродный брат Колмон нахмурился и дотронулся до рукояти меча.

– Я не намерен прямо сейчас раскрывать, где спрятано копье, Томас. Слишком многое предстоит обдумать.

Голос Колмона, низкий, как раскаты грома, остановил Томаса от дальнейших споров. Вместо этого он прижал пальцы к губам.

– Да, Колмон, я понимаю. От привычки хранить секреты не так просто избавиться. – Он вновь взглянул на собрав-

шихся. – И тем не менее я решил, что будущее наших детей куда важнее.

– Не называй свои суждения истиной. – Африка смерила его взглядом. – Смерть дочери затмила твой рассудок. Я понимаю эту боль, Томас, но пойми и ты: Потомки живут столетия, но не вечность. Нам не пристало бояться смерти.

Откинувшись на спинку кресла, Томас медленно постукивал большими пальцами друг о друга.

– Я всего лишь начал обсуждение. Давайте продолжим разговор позже, когда я внимательнее изучу летописи. Может, остановимся хотя бы на этом?

– Потомки, поднимите руку, если согласны, – объявила Гобнет, вставая.

Я оглянулась и увидела, что согласие выразили больше половины собравшихся. Снова повернувшись к главному столу, я поймала пристальный взгляд Томаса и поспешно подняла руку. Томас улыбнулся и вновь откинулся на спинку, изображая спокойствие и благодушие, но его щеки побледнели, выдавая недовольство разрушенными планами.

– А теперь, – молвил он без тени разочарования в голосе, – мы начнем суд. – Он махнул Кербалу и Ардалу – воинам, стоящим на страже у дверей зала. – Приведите в зал Роунат.

Мое сердце вновь заколотилось как бешеное, а к горлу подступила тошнота.

Двери в крепость распахнулись, и стражники подвели мою ненаглядную Роунат к столу хранителей даров. Сестра

улыбалась. Ее длинные каштановые кудри больше не скрывались под монашеским платком, а свободно свисали до пояса. Ее щеки украшал очаровательный румянец. При виде Роунат обычно многие изумленно вздыхали и приглушенно перешептывались, обсуждая ее красоту, но только не сегодня. Этим утром собравшиеся не сводили глаз с небольшого округлого живота, чуть натягивающего ткань ее платья.

Гобнет подняла руку, и лозы выющегося по стенам крепости плюща проникли в зал через окна. Извиваясь, как змеи, они проползли по полу и накрепко опутали запястья и лодыжки Роунат.

– Роунат, – хладнокровно молвил Томас. – Ты сошла с ума со смертным.

– Да.

– Признаешь ли ты, что тем самым осознанно преступила законы, изложенные в Новом соглашении?

Роунат кивнула.

– В таком случае, ты виновна.

– Это так.

Томас взглянул на нее, нахмутив лоб.

– И что же ты скажешь в свою защиту?

– Новые законы – это ошибка, Томас, – улыбнулась она.

Он прикоснулся к висящему на шее медальону.

– Да, я помню, что ты в числе многих других выступала против Нового соглашения. И тем не менее, когда Потомки подняли руки, большинство проголосовало за принятие но-

вых законов. Мы решили, что любого нарушителя следует наказывать.

Улыбка Роунат потухла.

– Кто дал вам право выносить подобные суждения? Наши предки сражались за смертных, любили их, освободили их от фоморского ига.

– Да, Туата Де Дананн любили смертных, – кивнул Томас, – и тем не менее они решили жить с ними порознь и скрылись в иномирье, сотворенное для них Мананнаном. Приняв новые законы, мы всего лишь следуем примеру предков.

– Они покинули этот мир только потому, что хотели доверить его своим детям от смертных жен и мужей. Наши предки поручили нам заботу о смертных товарищах. Как же исполнить их волю, если мы теперь не общаемся со смертными, а только следим за ними из монастырей? И зачем нам это? Зачем знать об их интригах, если мы не помогаем поддерживать мир?

– Поддерживать мир? – повторил Томас. Подавшись было вперед, он замер под взглядами остальных Потомков. – Смертные не ведают, что это такое. Вражда заложена в их природе. И тем не менее это не означает, что нам безразлична их судьба. Совет посылает Потомков в монастыри, чтобы мы первыми узнавали о любых войнах, которые затевают смертные. Иногда мы позволяем целителям помогать пострадавшим женщинам и детям – и я считаю, что этого впол-

не достаточно. – Томас сокрушенно покачал головой. – Твои слова не имеют никакого отношения к твоему преступлению. Ты согласилась соблюдать законы Нового соглашения и не сдержала слово.

Роунат с мечтательным видом посмотрела на окна, через которые струился солнечный свет.

– Лицо сына явилось мне во сне, а ветер нашептал, как отыскать его отца. Я так и поступила.

Томас закатил глаза:

– Ты и раньше утверждала, будто слышишь шепот ветра, но отказывалась делиться с Гобнет подробностями. Ты просто бредишь.

– Нет. Это ты бредишь. – Роунат задрожала, и ее пути из плюща тоже затряслись.

Я больше не могла молча смотреть, как Томас подначивает и дразнит мою сестру.

– Оставь ее в покое! – Вскочив на ноги, я подбежала к столу хранителей и обняла Роунат обеими руками. – Она легла со смертным по любви, а не ради власти. Это разные вещи!

– Мы все согласились соблюдать новые законы, Фоула, – резко напомнила Лег.

Я заслонила сестру:

– Значит, вы собираетесь следить за всеми нами? Каждую ночь подглядывать, с кем мы ложимся в постель? Пока мы не вмешиваемся в войны смертных, мы имеем право любить кого захотим!

– Фоула, ты снова рассуждаешь как наивное дитя, – презрительно молвил Томас. – История уже доказала, что мы не умеем беспристрастно относиться к тем, с кем делим ложе. Именно поэтому мы раньше так часто сражались в войнах смертных. От них нужно держаться в стороне. Так решили мы все.

Гобнет кивнула:

– Роунат признала вину и рассказала, какие чувства ею двигали. Шестьдесят лет назад мы согласились, что нарушение законов будет караться со всей строгостью, но не обсудили, как именно. Нам предстоит сделать это сегодня.

Тишина в зале сменилась низким гулом перешептывающихся голосов.

Томас поднялся:

– Верховный друид предлагает следующее: все нарушители Нового соглашения прощаются либо с даром, либо с жизнью.

– Нет! – вскричала я. – Да как у тебя язык повернулся?

Он поднял длинный клинок, лежащий в центре стола.

– Наши предки привезли этот кинжал в Ирландию из туманных краев. Любой желающий Потомок может стать смертным, если пронзит свое сердце его острием. – Он повернулся к моей сестре. – Ты этого желаешь, Роунат? Смертные настолько тебе милы, что ты готова отказаться от дара и стать одной из них?

Она покачала головой, и Томас нахмурился:

– Значит, ты предпочтешь умереть?

Он поставил на стол стеклянный флакончик с бурлящей красной жидкостью – напиток смерти, рецепт которого известен лишь друидам.

Колмон поднял руку:

– Я согласен с Фоулой. Роунат взяла смертного любовника не для того, чтобы обрести могущество. Смерть или утрата дара – слишком суровое наказание.

– Я тоже считаю, что смерть – это слишком жестоко, – молвила Лег, – но Роунат нарушила закон. Наказание не может быть и чересчур мягким. Я предлагаю изгнание.

– Нет! – вскричала я. – Вы не можете...

– Не волнуйся, сестра, – произнесла Роунат, прижавшись лицом к моей щеке. – Пусть Совет вынесет наказание, которое сочтет необходимым.

Слезы хлынули из моих глаз. Я не понимала собственную сестру. Как может она смиренно бездействовать, когда на кону стоят ее жизнь и свобода?

– Голосуем, – объявила Гобнат. – Хранители, выступающие за смерть, поднимите руки.

Опустив голову, я закрыла лицо ладонями. Я не могла на это смотреть – просто не могла. Но с каждым мгновением меня охватывало острое желание узнать исход голосования, и я взглянула на хранителей сквозь пальцы. Первым поднял руку Шэй, затем – Гобнет и Томас. Мое сердце яростно забилось в груди. Да как они могли? Я перевела взгляд на осталь-

ных. Рука Африки на мгновение вздрогнула, но затем она вновь опустила ладонь на стол.

Мгновение спустя все три руки опустились, и Гобнет откашлялась.

– Кто считает изгнание подходящим наказанием?

Вверх взметнулись четыре руки остальных хранителей.

Томас поднялся:

– Приговор вынесен. Роунат, вечером я приду в твои покои и расскажу, куда тебе предстоит отправиться.

Я принялась рвать путы из плюща ногтями, желая поскорее освободить сестру. Гобнет в любой момент могла призвать новые лозы, и какая-то часть меня ожидала, что Томас действительно прикажет ей это сделать, но он молчал. Совсем скоро я заключила Роунат в объятия. Она ничего не говорила, но я слышала, как колотится ее сердце.

– Пойдем, родная. Тебе нужно отдохнуть.

– Подождите, – произнес Томас. – Мы еще не решили судьбу ее ребенка.

Я устремила на него гневный взгляд.

– Ты и ребенка предложишь убить?

– Нет, – ответил он язвительным тоном. – Но у Потомка и смертного человека всегда рождается смертный младенец. Роунат больше не сможет жить в крепости, а значит, это не дозволено и ее ребенку. Однако заставлять Роунат воспитывать его одной в изгнании – бессердечный поступок.

– Я согласна, – сказала Африка. – Его нужно отдать в

семью смертных сразу после рождения.

– Я не доверю воспитание своего ребенка кому попало, – возразила Роунат. – Чтобы из сына вырос хороший мужчина, его должен воспитывать порядочный и добрый человек.

Томас тяжело и раздраженно вздохнул:

– Видимо, у тебя уже есть на примете такой человек? Вероятно, его отец?

Роунат взяла меня за руку, и внезапно я почувствовала, как к горлу подступает тошнота. Я так и не рассказала ей, что Эгиль погиб. Я надеялась, что она не назовет его имени, ведь тогда Томас узнает, что отец ее ребенка – внучатый племянник усопшего короля. Что, если он решит, что она легла с Эгилем в попытках обрести власть, и убедит Совет изменить приговор?

Роунат покачала головой:

– Я не считаю, что воспитывать ребенка должен именно его отец. Я хочу поручить это Фоуле, пока она не подберет для сына подходящую смертную семью.

К моим глазам подступили слезы, и я обняла Роунат еще крепче.

– Ты же знаешь, что я не могу. Ты же помнишь Ифу, – прошептала я ей на ухо.

Роунат обнимала меня, и я слышала, что ее сердце колотится в груди еще быстрее моего. Я глубоко вдохнула, усилием воли отгораживаясь от чужих голосов и взглядов. И вдруг почувствовала ручку младенца, которая изнутри прижима-

лась к животу матери, а через него – и к моему.

Сестра обняла меня еще крепче, в ее взгляде читалась мольба.

– Помоги моему ребенку. Прошу тебя. Ты нужна мне.

Перед глазами вдруг мелькнуло яркое воспоминание: Ронат с Ифой, несущиеся в лес. Они мчались к деревьям, а длинные каштановые кудри сестры и рыжие локоны дочери развевались на ветру. Они бежали с острова Феннит, прочь от Томаса. Однажды сестра без сомнений и колебаний сделала для меня то, что я слишком боялась сделать сама. Она прекрасно знала, как поступит Томас, если поймает их. И он их поймал.

Я сжала ладони сестры. Слова не понадобились. Она и так знала ответ.

Ирландское море, 992 год

Гормлат

Фальк вырезал что-то ножом из куска дерева: я понимала лишь, что это наземное животное. Он уже прочертил четыре борозды, обозначающие ноги, но до головы еще не добрался. Это могло стать чем угодно: лошадь, волк, корова, козел, кабан, не говоря уже о мифических чудовищах, которых сказители так часто вплетали в свои истории.

Арни, пятилетний сын Фалька, устроился рядом с отцом, прислонившись к его бедру, а дочь Фрейя завернулась в отцовский плащ: наружу торчала лишь ладонь, которой она держала за руку младшего брата. Мне доводилось видеть, как дети Фалька играли в дублинском лонгфорте: Фрейя гонялась за Арни, притворяясь кракеном, а он удирал от сестры, хохоча во весь голос.

– Лошадь или корова? – спросила я.

Фальк даже не поднял взгляда, только сильнее прижал нож к дереву.

– Разве это важно?

– Ничто не важно. Важно все.

На мгновение Фальк отвлекся от резьбы и взглянул на освещенное звездами море. Стоял штиль, но зимой погода могла измениться за считанные мгновения, и я уже чувство-

вала, как ветер становится все холоднее. Приближалась буря, которую я предвидела еще на дублинском рынке.

Воины и рабы Фалька яростно гребли в попытках ее обогнать, и он приказал подвести корабль вплотную к ирландским берегам – на случай, если шторм разразится раньше, чем мы ожидали. Морщины в уголках его глаз казались глубже обычного.

В небе над нами сиял Плуг, и я указала на созвездие пальцем, очерчивая его контуры в воздухе.

– Корабел, Оркнейские острова находятся близ шотландского побережья, а не ирландского.

– Я знаю, как обращаться со своим кораблем, Гормлат, – прорычал Фальк в ответ.

– Конечно знаешь. Поэтому я тебе и доверилась.

Положив кусок дерева на скамью, Фальк почесал щеку рукоятью ножа.

– Но не настолько, чтобы объяснить, почему мы плывем на Острова, а не в Нортумбрию, как просил Ситрик. Сегодня похоронили моего лучшего друга. Я должен поднимать кубок в память о Глуниарне, а не морозить яйца посреди Ирландского моря.

– Верховный король Шехналл уже наверняка подошел к Дублину. Если бы ты остался в городе, твои рабы и все сбережения до последней монетки ушли бы в уплату эрека. Отвезти меня на Оркни – невысокая плата за то, что я спасла тебя и твоих воинов от нищеты.

Забормотав во сне, Фрейя крепче прижалась к отцу. Фальк положил нож, укрыл дочь одеялом и нежно убрал за ее ухо упавший на лицо локон густых рыжих волос.

– Теперь у твоей прекрасной дочери есть столь же прекрасное приданое, – улыбнулась я.

– А на вопрос мой ты так и не ответила, – хмуро заметил Фальк. – При чем здесь Оркни? Что за козни ты строишь?

– Козни? – Бросив на него взгляд, полный невинного удивления, я вновь отвернулась к морю. – Фальк, ты ко мне слишком жесток.

– Недостаточно жесток, если уж на то пошло. Ты позволила ублюдкам монахам похоронить Амлафа на Айоне. Бросила его там одного.

Меня застала врасплох злоба, переполняющая его голос. Фальк всегда хранил беззаветную преданность сначала моему мужу, а потом – Глуниарну. Ко мне же он относился с почтением. Ну а теперь я стала всего лишь вдовой давно умершего короля – по сути, полным ничтожеством. Я рассчитывала, что управлять Фальком будет попроще. Он вывел в море корабль лишь из страха потерять накопленное. Чтобы добиться от него чего-то еще, сначала мне нужно будет превратить его в верного союзника.

Опустив голову, я укрыла Гиту еще одним одеялом и прикоснулась к кольцу, которое Амлаф надел на мой палец в день свадьбы.

– Как думаешь, почему я так торопилась уплыть с Айоны?

– Ты жаждала власти, Гормлат, – моргнул Фальк. – Хотела и дальше оставаться королевой Дублина. Это знали все, включая и Глуниарна, вот почему он так на тебе и не женился.

Он устремил на меня многозначительный взгляд, и я поняла: Фальк знает, что я спала с его другом. «Шлюха» – вот как он меня сейчас называл. Охочая до власти шлюха, которая не хотела утратить свое положение.

Я расхохоталась так, что смех разнесся по всему кораблю. Некоторые из гребцов даже сбились с ритма, оглянувшись посмотреть, в чем дело. Не обращая на них внимания, я наклонилась к Фальку.

– Я живу одна в лачуге за королевскими чертогами. Если бы я желала власти и золота, то давным-давно вышла бы за любого другого короля: хочешь, назову десяток имен. Трахаться с Глуниарном – куда менее выгодное занятие, чем замужество.

Фальк приоткрыл рот: единственный признак, что моя грубая речь его потрясла. Перед ним ведь стояла ирландская принцесса, а не скандинавская воительница. Я предпочла рискнуть: сейчас не время для учтивости и такта. Когда Фальк взглянул на меня в следующий раз, в его глазах не осталось прежней суровости.

– Значит, ты любила Глуниарна?

– Нет, не любила. Уважала, но не любила.

– Это все потому, что он на тебе не женился.

– Думаешь, я отвергнутая женщина? – Мужчины очень любят рассуждать, что отвергнутые женщины – источник всех зол и гроза порядочных мужчин. А мне-то хотелось верить, что Фальк достаточно взрослый мальчик и оставил эти фантазии в прошлом. – А если я скажу тебе, что Глуниарн предлагал мне за него выйти, а я отказалась?

Фальк пристально взглянул мне в глаза. Такой опытный воин, как он, умел отличать правду от лжи, и я сказала ему правду... Более или менее.

– Зачем же ты осталась в Дублине, если не ради любви?

Я указала на малыша, уснувшего на его ноге.

– Скажи, Фальк, на что ты пойдешь, чтобы защитить своих детей?

– На что угодно.

– Значит, мы с тобой не такие уж и разные. Я люблю сына. И у меня нет никаких сомнений: позволь я Глуниарну или моему брату выдать меня за какого-нибудь ирландского короля, Ситрик уже давно был бы мертв.

Фальк нахмурился.

– Именно так. Я не осталась на похороны Амлафа, потому что боялась за жизнь сына. И с Глуниарном я спала, чтобы он не убил Ситрика. Поверь, я делала такое, что большинство женщин на моем месте умерли бы со стыда. И я бы охотно сделала это снова. Более того, я продолжаю делать это прямо сейчас. – Я обвела широким жестом корабль и море, и Фальк кивнул.

– Так что же тебя ждет на Оркни?

– Власть – но не для меня, а для сына.

– Ты в самом деле решила попросить ярла Оркни о помощи? – Фальк побелел. – Одумайся, Гормлат. Гофрид Харальдссон только притворится, что помогает Ситрику, а сам приберет Дублин к рукам.

– Гофрид Харальдссон уже мертв, – фыркнула я.

Фальк уставился на меня, всем своим видом выражая откровенное недоверие.

– Я об этом не слышал.

– А я слышала. Он мертв. Новый ярл Оркни – Сигурд Толстый.

– О нет. Сигурд Толстый еще хуже Гофрида, – ошеломленно произнес Фальк. – Все отпрыски Торфинна Раскалывателя Черепов алчные, как сама Хель, а еще поговаривают, что мать Сигурда – ведьма.

– Ты снова ошибаешься: я не с Сигурдом желаю поговорить. Там есть еще один человек, который может нам помочь.

– Кто же?

Я натянула шарф до самого носа, скрывая ухмылку. Вот так Фальк и попался на крючок. Все, что мне оставалось, – подтолкнуть его в нужном направлении.

– Я ведь могу тебе доверять, Фальк?

Он кивнул.

– А Ситрик?

Он снова кивнул.

– Я знаю, что ты не всегда ладил с Ситриком, но он – сын Амлафа и единственный человек, способный защитить Дублин от посягательств Ивара из Уотерфорда и верховного короля Шехналла. Ему понадобится твоя помощь. Ты готов поклясться, что не откажешь моему сыну?

– Смотря с кем ты намерена встретиться. Я не собираюсь отвоевывать Дублин у Ивара лишь затем, чтобы его тут же присвоил другой скандинавский ярл.

– Мне нужен Олаф Трюггвасон, ярл Вендланда. Он поможет нам.

Заметно успокоившись, Фальк поудобнее устроился на гладкой деревянной скамье.

– Я слышал, что он достойный человек, но им тоже движет честолюбие. Отчего ты считаешь, что ему можно доверять?

– Потому что я знаю, чего он хочет. И это не Дублин.

– Откуда тебе?..

– Хватит! – рявкнула я. – Я больше не скажу ни слова, пока ты не поклянешься в верности моему сыну.

Фальк стиснул зубы.

– Разве у тебя есть выбор, Фальк? Ты уже немолод, а у Ивара из Уотерфорда есть свой корабел. Если он станет твоим королем, твоя слава и состояние пойдут на убыль. Ну а Ситрик вырос в Дублине. Он сын твоего друга, он будет нуждаться в твоих советах и ценить тебя как наставника.

Сильный порыв ветра растрепал волосы Фалька за его

спиной. Корабль качнулся и внезапно рванул вперед на вздувшемся парусе. Фальк осмотрел парус снизу вверх, проверяя, не порвалась ли ткань.

– Хорошо, – сказал он. – Даю тебе слово, что помогу Ситрику.

Добившись успеха, я облегченно прижалась затылком к борту. Ледяные морские брызги крохотными иголками впились в кожу, тело содрогалось от каждого дуновения ветра.

Фальк поднялся и, подойдя ближе, оперся ногой о борт прямо рядом с моим носом.

– Ты так и не сказала, чего хочет Олаф Трюггвасон.

– Не сказала, – согласилась я, прикрывая глаза. – Но сейчас у тебя есть дела поважнее. Например, надвигающаяся буря.

Фальк не ответил. Он знал, что я права. Чтобы не позволить детям и другим своим сокровищам опуститься на дно океана, ему предстоит как следует потрудиться.

В лонгфорте Оркни нас встретил пронизывающий до ко-

стей ветер. Мы с трудом выбрались из лодки на берег – мокрые и потрепанные бурей. Нас поджидали два десятка стражников с мечами наголо.

– Кто вы такие? – спросил один из них. – Что привело вас на Острова?

Выпрямив спину и гордо подняв голову, я шагнула вперед.

– Меня зовут Гормлат. Я бывшая королева Дублина и вдова Амлафа Рыжего. – Я приобняла дрожащую от холода Гиту, которая едва-едва выжала из себя слабую улыбку. – Мы с дочерью плыли в Нортумбрию, но поднялась буря, и мы сбились с пути. Нам нужно где-то укрыться, пока море не успокоится.

– Ярл Сигурд Толстый приказал, чтобы ни один корабль...

– Мы с Сигурдом давние друзья, – перебила я, хлопнув в ладоши. – Передайте ему, что я здесь, и он непременно пригласит нас остаться.

Стражник с подозрением оглядел Фалька и его воинов, но после недолгого колебания все же приказал одному из своих людей доставить мое послание в крепость.

Пока мы ждали ответа, я огляделась по сторонам. Солнце еще не зашло, но небо уже потемнело. Побережье острова усеяли дозорные огни: значит, Сигурд ожидает нападения. По-видимому, он еще не успел полноценно утвердить свою власть над Оркни, и другие претенденты на престол готовы испытать его на прочность. Правда, одни боги ведают, зачем

кому-то этот холодный и бесплодный архипелаг, на юге и во-все граничащий с Шотландией.

Мое внимание привлек молодой рослый дозорный, несущий службу у ближайшего огня среди потрепанных ветром папоротников. Юный красавец с длинными темными волосами и гладкой оливковой кожей. Я предположила, что он раб из Средиземноморья – например из Амальфитанского герцогства. Должно быть, вдали от палящего солнца родины юноша умирал от холода, но он ничем этого не выдавал, а лишь безмолвно и неподвижно смотрел на море.

– Королева Гормлат?

Вздвогнув, я стряхнула наваждение и повернулась к стражнику лицом.

– Ярл Сигурд с радостью примет вас и ваших воинов в своей крепости.

Дрожа от холода и усталости, мы медленно направились вверх по тропе, пролежавшей вдоль берега. Измученная бурей Гита едва переставляла ноги: ей помогали идти Фальк и двое рабов. Когда мы приблизились к крепости, двери распахнулись, жутко скрипнув петлями. Напуганный Арни захныкал, прижавшись к сестре.

– Надеюсь, ты знаешь, что делаешь, – прошипел Фальк мне на ухо.

Стражники проводили нас до тронного зала, у дальней стены которого на огромном деревянном троне восседал Сигурд Толстый – пухлый лысый мужчина с добродушной

улыбкой. Впрочем, он оказался не один. По одну руку от ярла сидел его свояк Гилли. По другую – молодой воин с золотыми браслетами на усеянных татуировками руках. На вид ему было двадцать с лишним – наверняка это тот самый Олаф Трюггвасон, с которым я хотела поговорить. Однако я не сводила глаз с мужчины, сидящего на троне.

– Гормлат, – произнес Сигурд. – Приветствовать тебя здесь – великая честь. Мы так давно не виделись.

– Двадцать лет, – улыбнулась я в ответ. – Ты прибыл в Дублин через год после того, как мы с Амлафом поженились. Счастливого было время.

– Неужели столько воды утекло? – задумчиво сказал Сигурд. – Да, боюсь, что так и есть. И все же я не забыл ни твою щедрость, ни твою красоту.

Я скромно потупила взор.

– Благодарю тебя за гостеприимство. Как видишь, наше путешествие выдалось изнурительным. – Капли соленой воды, которой насквозь пропиталось мое платье, падали на каменную плитку словно в подтверждение сказанных слов. – Поднялась страшная буря, и корабль сбился с пути. Могу лишь попросить прощения за неприглядный вид.

Я почувствовала, как напрягся стоящий рядом Фальк. Его щеки чуть ли не обдали меня жаром, но язык он прикусил. В тот день его прославленные навыки морехода не снискали заслуженного одобрения, но я заранее предупредила, что можно говорить, а что – нет.

Сигурд рассмеялся, и паутинка венков вокруг его носа сменила цвет с красного на пурпурный.

– У нас ты можешь об этом не волноваться, Гормлат. Я прикажу слугам позаботиться о тебе и приготовить в твою честь пир. Да и про воинов твоих мы не забудем, это я тебе обещаю.

Улыбнувшись, я подозвала Гиту. Ее пробирала сильная дрожь, а прикоснувшись к ее коже, я почувствовала, как по ней бегут мурашки.

– Моей приемной дочери тоже нужна забота твоих слуг. Боюсь, она простыла на холодном морском ветру. – Сняв плащ, я накрыла им приемную дочь, тщательно следя, чтобы ткань не прикрыла ее пышные груди. Гита этого даже не заметила: она едва держалась на ногах из-за холода и усталости.

Сигурд, лицо которого омрачила тревога, встал с трона и взял ее ладонь в свою.

– Непременно пришло в ваши покои личного лекаря. – Он игриво ущипнул Гиту за подбородок и вздохнул, точно папаша, переживающий за здоровье нежно любимого ребенка. – Ступай, Гита. Мои рабы нагреют для тебя ванну. Вижу, ты продрогла до костей.

В тронный зал зашли три рабыни. Высокая темнокожая девушка с каштановыми кудрями жестом позвала Фалька и его отряд следовать за ней наружу, а две другие, светловолосые и белокожие, подбежали к Гите и увели ее в покои в

задней части крепости.

Как только мои спутники удалились, король Сигурд повел меня к своему столу. Стоило признать, с величием его чертогов не мог тягаться даже тронный зал в дублинской крепости. На стенах висели олени рога, бивни моржей и великолепные гобелены.

– Неужели и правда минуло двадцать лет, Гормлат? – Он перевел взгляд на свояка. – Гилли, ты же не застал Амлафа Рыжего, верно? Вот это был воин! Вот это король!

Улыбнувшись, Гилли протянул мне кубок с вином.

– Добро пожаловать, Гормлат. Весьма наслышан о твоём муже. Нам всем до него далеко. – Отпив из своего кубка, он медленно провел языком по желтым зубам. – И о тебе я тоже много чего слышал.

– Надеюсь, только хорошее?

– Мне рассказывали о твоей красоте, а вот о силе упомянуть забыли. Твоя дочь едва держалась на ногах, а ты даже не дрожишь!

Я пригубила напиток, наслаждаясь привкусом корицы и мускатного ореха. Подогретое вино хорошо помогало прийти в себя после дождя и ветра, но благодаря фоморской крови, текущей в моих венах, я не ведала истинного холода.

– Даже не сравнивай меня с Гитой. Она еще молода и овдовела совсем недавно. Скорбь тревожит ее не меньше, чем холод. Она хранила беззаветную преданность покойному эрлу Нортумбрии.

Татуированный воин, увешанный браслетами, впервые поднял взгляд с тех пор, как я вошла в тронный зал. Он пристально взглянул на меня, но выражение его лица по-прежнему оставалось хмурым.

– Утрата – ужасное чувство.

– Ах да, – сказал Сигурд. – Это мой друг Олаф. Не сердчай на него из-за мрачного вида. В прошлом году он тоже овдовел и до сих пор скорбит.

– Как жаль это слышать. – Я наклонила кубок в сторону Олафа. – Все мы знаем, что такое потерять близкого человека. Остается лишь молиться богам, чтобы вновь встретится с ними в Вальхалле.

Олаф цокнул языком:

– Ты хотела сказать, в раю.

– Неужели ты христианин? – Я вскинула бровь. – Впрочем, сейчас все больше скандинавов принимают истинную веру. Чему же удивляться?

Дотронувшись до серебряного крестика, висящего на шее, я взглянула на Олафа с набожным видом. Он кивнул и слегка отклонился назад, позволяя служанке положить на тарелку еще кусок мяса.

– Гита тоже сменила веру, – продолжила я. – Теперь она почитает нового Бога праведнее любой монашки. – С улыбкой повернувшись к Сигурду, я сбросила с плеч густые спутанные волосы, спускающиеся до пояса, и вздохнула: – На меня же без слез не взглянешь.

– О нет, отнюдь, – заверил Сигурд. – Но у тебя за плечами утомительное путешествие. Не хочешь погостить у нас подольше? Неделю или две?

Я покачала головой.

– Благодарю за гостеприимство, но мы должны уплыть завтра же утром. Я обязана отвезти дочь назад в Нортумбрию. Семья покойного мужа Гиты угрожает отобрать ее законное наследство, и я должна за нее вступиться.

Олаф заерзал на стуле и прищурился.

– В Нортумбрии живет один сварливый сброд. Так молвил мой прадед, лежа на смертном одре.

– Кем же был твой прадед?

– Король Харальд Прекрасноволосый.

– О, прости меня. – Я положила руку на сердце и чуть приоткрыла рот. – Прости мое невежество. – Я пихнула Сигурда в плечо. – Почему же ты не рассказал мне, кто такой Олаф на самом деле?

– Забыл, что ты ирландская принцесса, – хохотнул тот. – Вы же не знаете наши родословные так хорошо, как мы.

Отнюдь: я знала их получше многих. В последние годы жизни Амлаф мучительно гадал, кто попытается отобрать у него Дублин, и в первую очередь всегда вспоминал внуков Харальда Прекрасноволосого.

– Должно быть, ты многое знаешь о Нортумбрии, Олаф? – спросила я с нежной улыбкой. – А бывал ли ты там?

Олаф, который с каждым мгновением хмурился все силь-

нее, провел пальцем по татуировке на предплечье.

– Нет, но однажды я обязательно приплыву в Нортумбрию. Однажды я стану ее ярлом.

Я прикоснулась к его руке.

– Больно это признавать, но боюсь, что теперь викингам не видать Нортумбрии. Купцы из Дублина говорят, что король Этельред держит всю Англию в кулаке, хотя я сама плохо разбираюсь в политике. Может, тебе лучше расспросить об этом Гиту?

Ко мне подошла рабыня с кудрявыми черными волосами, и Сигурд улыбнулся.

– Катерина к твоим услугам. Пусть мне и хочется поговорить с тобой подольше, ты наверняка замерзла и устала. Увидимся вечером на пире.

– Спасибо. Жду с нетерпением.

Наградив Сигурда скромной улыбкой, я попрощалась с Олафом и Гилли. Катерина отвела меня в покои в задней части крепости. Радуюсь, что мой план уже начал приносить плоды, я разделась и подождала, пока она приготовит ванну.

Как только Катерина наполнила водой деревянный чан, я приказала ей выйти. Мое отражение в водной поверхности оказалось еще кошмарнее, чем я рассчитывала. Волосы в полном беспорядке: кудри спутались в узелки и колтуны. Мне предстояло хорошенько повозиться с ними, но я все равно радовалась, что добралась до Оркни. Я попробовала воду пальцами: чуть теплая. Медленно погрузив в нее ру-

ку, я призвала на помощь волшебный огонь, и через считанные мгновения с водной глади начал подниматься пар. Так-то лучше. Сбросив остатки одежды, я забралась в чан.

Горячая вода оказалась поистине райским наслаждением. Она помогла унять ноющие после долгого путешествия мышцы и быстро обратила в пар пленку морской соли.

В покои постучались. Что же, он явился раньше, чем я рассчитывала, но ничего плохого в этом нет.

– Здравствуй, Сигурд.

Ярл Оркни зашел в комнату и сел на кровать, не сводя с меня жадного взгляда. Он оглядел мое тело с пальцев ног и до плеч, особое внимание уделяя местам, на которые не следовало бы пялиться в открытую – или же следовало, но лишь когда я сама того желаю.

– Твой корабел Фальк пьян, – объявил Сигурд.

Я накрутила на палец мокрую прядь.

– Не сомневаюсь. Такое уж у тебя крепкое вино.

– Он утверждает, что корабль не сбивался с курса.

– Ты намекаешь, что я прибыла сюда намеренно? – спросила я с лукавой улыбкой, и Сигурд расхохотался.

– А я ведь до сих пор вспоминаю ночь, которую мы провели вместе много лет тому назад. Может, и ты иногда о ней думаешь?

– О да.

Сигурд прилег на мою подушку, и его глаза помрачнели.

– Бедняга Амлаф. Скверное я испытывал чувство, имея

тебя под его крышей.

Он поднес кубок к губам, не сводя с меня взгляда, а я внимательно смотрела на него. Паутинка веноч под кожей вновь обрела лихорадочно-красный цвет, который исчезал лишь там, где начиналась седая борода. Жестокая поступь времени не щадила никого. Двадцать лет назад Сигурд был мужчиной хоть куда: широкие плечи, длинные волосы, мускулистые ноги. А теперь его тело обвисло, а болезненно-бледная кожа покрылась пятнами и изъязнами.

– Что, добавки захотела? – Он расстегнул верхнюю пуговицу рубахи. – Буду только рад тебя угостить.

Я подняла ногу над поверхностью воды.

– Сейчас я не замужем. Объяснить плоды нашей любви будет сложнее, чем тогда.

Улыбка Сигурда сошла на нет. Он прищурился и надолго замолчал.

Возможно, мне стоило говорить с ним без обиняков? Он и так-то недалекий, а уж под воздействием сильного алкоголя остатки разума в два счета покидали его.

– Ты что же это... утверждаешь, будто твой сын... мой? – прошептал он в конце концов.

– Да. Впрочем, этого не знает ни одна живая душа. Мой рот на замке.

– Тогда зачем говорить мне сейчас?

Под водой я ущипнула свое бедро с такой силой, что из глаз брызнули слезы.

– Потому что это правда.

– И ты хочешь, чтобы я помог ему отвоевать Дублин?

Я настороженно взглянула на Сигурда. Возможно, не так уж и много он выпил.

– Твой Фальк рассказал, что Ивар из Уотерфорда завладел городом при поддержке верховного короля Ирландии. И если Ситрик желает занять трон, ему понадобится помощь союзников, так?

Я покачала головой:

– Твоя помощь – последнее, что нам нужно. Чтобы стать королем, Ситрик обязан завоевать корону сам. Таковы обычаи викингов.

Сигурд вновь поднес кубок к губам:

– Мудрые слова мудрой женщины.

Поднявшись, я закуталась в полотенце и выбралась из ванны.

– Немногие мужчины с тобой согласятся.

– Выходи за меня, – внезапно сказал он.

Слава богам, он сделал предложение куда быстрее, чем я рассчитывала, – впрочем, неудивительно, если учесть откровенность моих намеков.

– Нет, Сигурд. Ты уже женат, а становиться второй женой я не желаю. Нам предначертано судьбой расстаться после этого пира, но, как знать, возможно, мы не всегда будем так далеко друг от друга?

Мои слова пришлись ему по душе, и он перестал хмурить

лоб. Пока я вытирала волосы и одевалась, Сигурд постукивал по кубку пальцем и попивал вино. Затем он подошел ближе и, встав за спиной, застегнул ожерелье вокруг моей шеи.

– Раз ты не просишь помощи для Ситрика, чего же тебе нужно?

– Ничего. Я просто думала, что ты заслуживаешь знать правду.

– А это не уловка? – прищурился он. – Может, на словах ты говоришь одно, а на самом деле хочешь, чтобы я помог?

Я рассмеялась:

– О нет. Более того, я запрещаю тебе помогать Ситрику. Если твое войско приплывет ему на помощь, люди вспомнят, что ты гостил в Дублине за девять месяцев до его рождения. Этого допустить нельзя. Наш сын унаследовал право на престол от Амлафа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.